

Владимир Гурвич, Людмила Котлярова Чужая игра

Глава 1

1

Анна ничего не могла с собой поделаться, но всякий раз, встречаясь с зелеными, совсем как у рыси, глазами режиссера, ее начинала бить мелкая дрожь. И с этой секунды она уже не могла играть нормально, реплики и жесты выходили топорными и неестественными. Это было сродни наваждению, но избавиться от него у нее не получалось. Вот и сейчас все происходило по знакомому сценарию.

— Ты играешь в профессиональном театре или в любительском кружке при ЖЭКе! — заорал из зала режиссер. — Что это за реплика? Кто так говорит. Тебе только служанок играть со словами: «Кушать подано». Давай еще раз. Не получится, передам роль. Так и знай, Анна. Желающих достаточно.

Анна с ненавистью посмотрела на Рагозина. В мире нет человека, которого она ненавидит больше, чем его. Все ее несчастья идут только от него. Будь в театре другой режиссер, она давно бы была на первых ролях.

— Что ты ждешь? У нас время идет! — снова закричал Рагозин.

Анна повторила сцену, чувствуя и душой и телом, что и на этот раз получилось ничуть не лучше. И она уже знала, что не получится до тех пор, пока не освободится от гипноза этого человека. А вот как это сделать, она не представляет. С каким бы удовольствием ушла бы из театра, уехала из города. Да никто ее никуда не зовет.

— Ну, вот что, эту роль я у тебя отбираю, — взревел разгневанный режиссер. — Иди в зал и смотри, как надо играть. — Рагозин по очереди стал буравить взглядом нескольких совсем молоденьких актрис, которые пришли в театр в этом году.

— Ольга Котова, а ну выходи на сцену. Текст знаешь?

Ольга Котова, сияя, как самовар, от счастья вскочила со своего места.

— Отлично знаю, Роман Анатольевич.

— Тогда к станку.

Начинающая актриса заняла место на сцене, а Анна спустилась вниз. Никогда она не ощущала себя такой старой и потерянной. Она тяжело опустилась на кресло рядом со своей подругой Еленой Смольской. Та осуждающе посмотрела на нее.

— Ты с ума сошла, зачем ты это устроила. Теперь ты окончательно тут ничего не

получишь, — прошептала Смольская.

— Ненавижу этого бегемота, — также шепотом ответила Анна. — Когда он смотрит на меня, во мне все цепенеет. Я ничего не могу делать.

— Сама виновата в такой ситуации. Еще полгода назад он готов был для тебя сделать все, что ты пожелаешь.

— Да, ты права, но только при одном условии: если я стану удовлетворять его похоть.

— И кто же тебе помешал заняться таким благородным деянием?

— Его жирный живот. Ненавижу мужиков с отвисающими животами. Никогда с ними не кончу.

— А тебе и не надо было кончать, других что ли мало, с кем это можно благополучно делать. Тебе было надо, чтобы кончал он. И тогда на всех афишах в первой строке было напечатана: главную роль в спектакле играет артистка Анна Чеславина. А теперь ты и в общей список не попадешь. Если дело так пойдет, дождешься, когда он тебя выставит из театра.

— Что же делать? — растерянно пробормотала Анна. — Даже если бы я согласилась стать наложницей этого борова, он бы отказался. Вон видишь, как его бесстыжие глазенки трахают эту Котову.

— Вижу. И если она не дура, то этот день закончится для нее в его постели. А где закончится

твой?

Анна посмотрела на Смольскую. Да, они подруги уже много лет, вместе учились в театральном училище, вместе начинали работать в этом гребаном театре. Но если она, Анна, окончательно загубила здесь свою репутацию, пользуется славой едва ли не первой скандалисткой, то Лена не спеша, но систематически укрепляет свои позиции. И если бы Рагозин предложил ей переспать с ним, она бы и мгновения не колебалась. А вот она, Анна, не такая.

Анне стало так горько, что захотелось плакать. Но если уж это делать, то там, где никто не видит.

— Пойду я, надоело мне тут.

— Ему это не понравится, — отозвалась Смольская.

— Плевать мне сто раз на это. Так ему и передай.

— Глупая ты, — вздохнула Смольская.

— Какая уж есть. И другой вряд ли буду.

Анна встала. Несколько секунд она колебалась. Из зала можно было уйти незаметно для глаз режиссера — через боковую дверь. Она направилась к главному проходу и прошествовала мимо Рагозина к главному выходу.

Он проводил ее взглядом, что-то пробормотал про себя, затем повернулся к сцене.

— Ну-ка, Оленька, попробуем еще раз, у тебя хорошо получается.

2

Анна вышла из театра, размазывая злые слезы по щекам. Все, с нее хватит. Пусть попробуют репетировать эту сцену без нее. Вот тогда и посмотрим, так уж ли вы легко обойдетесь без Анны Чеславиной, господин режиссер.

Она вспомнила совет подруги и ощутила, как пальцы ее рук невольно сжались в кулаки. Ну, уж, нет. Дудки. Отдаваться этому ничтожеству... Анна судорожно глотнула воздух и, поперхнувшись, закашляла. Да ни за что. Пусть Смольская или Котова делают это, если им нравится таким путем строить свою карьеру. Им, с их способностями, можно так жить. А она, Анна, талантлива и знает это. Недаром на их курсе, она считалась одной из лучших студенток.

Анна вспомнила, как она играла свой спектакль на выпускном экзамене. Ей досталась сложная характерная роль леди Макбет. Она сделала из нее настоящий шедевр. Все так говорили. Да и сама Анна прекрасно помнит то странное состояние, когда она так вжилась в образ своей героини, что порой сама не различала, где кончается Анна и начинается леди Макбет и

наоборот. Анна примерила на себя этот образ, как примеряют новое платье, и сама поразилась насколько удобно и комфортно ей в нем оказалось.

Давно забытые ощущения, подумала Анна и улыбнулась. Напряжение прошедших нескольких часов начало сползать с нее, как шкура царевны-лягушки из известной детской сказки и постепенно к ней стало возвращаться утраченное равновесие. Когда она добралась до дома, то и вовсе повеселела. Она знала, что Митя сейчас дома и наверняка скучает по ней. Анна прибавила шаг, предвкушая, как он обрадуется неожиданно раннему ее приходу.

Дмитрий Началов, близкий друг Анны, с которым они вместе делили скромную съемную квартирку на окраине города, был не в настроении. Сегодня позвонила хозяйка квартиры и вежливо напомнила, что они задержали срок проплаты жилья на целых три дня. Дима уже хорошо изучил эту стерву. Теперь она ежедневно примется звонить и напоминать им об их задолженности.

Было бы неплохо, если бы Анна сегодня принесла деньги, подумал он и тут же помрачнел, вспомнив, что до ее зарплаты оставалась еще целая неделя. Эх, деньги, деньги, сокрушался он мысленно, ну почему вы не отвечаете мне взаимностью. Ведь я так люблю вас. Больше, чем любую из женщин. Хотя..., пожалуй, я не прав.

Дима вспомнил свою возлюбленную. Перед его глазами выплыл образ Анны. Стройная, как тростинка, брюнетка с зелеными глазами русалки, которые до сих пор затягивали его в свой омут, несмотря на довольно длительный срок их общения.

Неожиданно его размышления прервал звук открывающейся двери. Дима бросил взгляд на часы. Для Анны еще было слишком рано. Но через секунду в проеме двери он увидел улыбающуюся подругу.

— Привет, — Анна подставила Диме щеку для поцелуя, — Как ты тут, Митенька, соскучился без меня?

— Сколько раз я тебя просил, не называй меня этим пошлым именем, — недовольно бросил Дима.

— Прости, я забыла, что ты так неадекватно реагируешь на ласку, — равнодушно сказала Анна.

Дима знал, что она вовсе не забыла о его просьбе, а даже не хотела о ней помнить.

Эгоистка, не способная запоминать элементарные вещи. Ведь знает же, что ему это неприятно, вихрем пронеслось у него в голове. В Диме потихоньку стало закипать раздражение. Он вспомнил, что долг платежом красен и решил поквитаться с Анной, сказав ей какую-нибудь гадость.

— Сегодня звонила хозяйка квартиры.

Напомнила, что мы задерживаем оплату квартиры, — делая ударение на слове оплата, медленно проговорил Дима.

— Да ну ее, подождет. Нет у меня сейчас денег. И вообще, похоже, что не скоро появятся, — Анна отвернулась к окну.

— Что значит, не скоро появятся, — Дима почувствовал недоброе.

— Меня из театра грозились выкинуть.

— Как это? На каком основании, — встрепенулся Дима.

— За профнепригодность, — с горечью выдохнула Анна.

— Шутишь. Ты сама говорила, что была лучшей на курсе. И в театре ты на хорошем счету.

— Сегодня выяснилось, что на хорошем счету у нас тот, кто подкладывается под режиссера. Ты же не хочешь, чтобы я это сделала? — Анна, не мигая, уставилась на Диму.

— А почему бы и нет, — усмехнулся он.

— Что-о-о?

— Да, ладно из себя святую строить. Можно подумать ты никогда этого не делала? — как о чем-то само собой разумеющемся проговорил Дима.

Анна сделалась пунцовой. В груди у нее учащенно заколотилось сердце и от возмущения перехватило дыхание. Дима понял, что сморозил

глупость и попытался исправить положение.

— Ну, извини. Я не то хотел сказать. Но, если это нужно для дела, то почему бы и нет?

— Для дела говоришь? — Анна обрела способность говорить и медленно стала приближаться к Диме. Выражение ее лица стало каким-то зловещим. Дима попятился к стенке. Но было слишком поздно. Уже в следующую секунду он ощутил на своей щеке короткую, но сильную, как удар хлыста, затрещину. Он инстинктивно прикрылся рукой, ожидая следующего удара. Но его не последовало. Вместо этого он услышал стук входной двери. Дима осмотрелся. Анны в квартире не было.

3

Алина Слободина сидела перед зеркалом и возвращала с помощью теней, губной помады и туши привычное выражение лица, утраченное во время бурного занятия любовью. По телу катился приятный теплый поток, и она испытывала удовлетворение. Она любила эти минуты после секса почти также как и минуты самого секса, когда напряжение спадало и становилось удивительно легко и покойно.

Она нанесла на лицо последний штрих кисточкой и посмотрела через зеркало на

любовника. Тот продолжал лежать на кровати, даже не позаботившись прикрыться одеялом, и с любопытством наблюдал за ее действием. Ее привлекало его бесстыдство, его удивительная способность доводить все до крайних пределов. Это ужасно возбуждало ее, заставляло закипать кровь даже при одних воспоминаниях об их ласках, причем, иногда в самый неподходящий момент. Но это ей скорее нравилось, чем причиняло неудобство. Может быть, еще несколько лет назад ей было бы трудно справляться с наплывом горячих, как пар, эмоций. Но за последнее время она заматерела, гораздо лучше научилась управлять своими чувствами и желаниями. А потому не слишком боялась, что окажется застигнутой врасплох.

— Как я тебе? — спросила она, не поворачиваясь к нему, а продолжая наблюдать за ним через зеркало.

— Даже не думал, что косметика так сильно способна менять женщин. Ты стала совсем другой.

— Лучше или хуже? — засмеялась Слободина.

— Ни лучше и ни хуже. А другой. Почему обязательно должно быть то или другое.

— Ты, как всегда прав. И вообще, ты самый мудрый мужчина, которого я когда-либо встречала в жизни. — Слободина вдруг резко повернулась на

табурете и посмотрела на любовника. — Знаешь, мне всю жизнь жутко не достает по-настоящему мудрых мужчин.

— А твой первый муж, я знал его, правда, не так близко. Дураком мне он не казался, — проговорил Викторович.

Слободина горько рассмеялась.

— Вот именно, ты знал его не так близко. А мне, к несчастью, пришлось узнать его ближе некуда. Ты прав в том, что он был хорошим бизнесменом, но как человек... Это было настоящее мучение, у него был ужасно вздорный характер. Он устраивал ссору по любому поводу. А уж ревностью он меня просто изводил. Ты и не представляешь, каких усилий мне стоило себя сдерживать. Ну, а про Эдуарда тебе все известно не хуже, чем мне. Ничтожество и есть ничтожество, что об этом говорить.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Слободина удивленно взглянула на любовника.

— Ты хотел поговорить об Эдуарде?

— Не совсем. Я хочу поговорить о тебе, обо мне и о нас с тобой.

— Это интересно. — Слободина встала и пересела на кровать рядом с любовником. — Только не целуй меня, — предупредила она, я уже накрасилась. И прикройся, это меня отвлекает.

Викторович усмехнулся и набросил на себя одеяло.

— Так лучше? — усмехнулся он.

— Намного лучше, — тоже усмехнулась она. — Я тебя слушаю.

— Бросай-ка ты своего олуха.

— Бросить не проблема. А что взамен?

— А взамен? — Викторович посмотрел на женщину. — Твоим мужем стану я.

Теперь уже Слободина одарила его долгим взглядом.

— Ты с ума сошел, зачем тебе это. Тебе разве в твоём положении плохо?

— Послушай, что я скажу. Я много размышлял над этим. И пришел к выводу, что мы могли бы объединить наши бизнесы. И создать крупный холдинг. Понимаешь, это совсем другие объемы. Мы могли бы выйти даже на зарубежные рынки.

Какое-то время Слободина молчала.

— Честно говоря, никогда не думала об этом. Мне нравится чувствовать себя полноценной хозяйкой своего бизнеса.

— Я знаю. И это замечательно. Но надо смотреть вперед. Какие у тебя перспективы, если ты останешься сама по себе?

— Ты прав. Я давно ощущаю, что развивать мне свой бизнес некуда.

— То-то и оно. А вместе мы сила. — Викторович сжал перед ее носом кулак. — И на каких началах возможно наше объединение?

— На паритетных. У каждого ровно по половинке.

Слободина в очередной раз задумалась.

— Не могу сказать, что ты меня убедил, но обещаю, тщательно все взвесить. По крайней мере, это самое интересное предложение, которое я получала за последнее время.

— А я других не предлагаю. Скажи, только честно, когда ты предложил мне стать твоей любовницей, ты держал в голове этот вариант?

— Я обдумывал его. Чтобы в наше время выжить, надо объединяться. И очень важно, не прогадать, с кем именно. А мы все же узнали друг друга.

— Я бы не преувеличивала этот фактор. — Я знаю, что ты циник. И это нравится мне в тебе. Я сама циник. Не была бы циником, давно бы все профукала.

Слободина встала и направилась к выходу, по ходу взяв со стола свою сумочку. Викторович внимательно наблюдал за ней. Около двери Слободина остановилась.

— Я не обещаю, что приму твое предложение, но обещаю, что буду думать о нем. А там как знать. До встречи.

Слободина помахала рукой и вышла из комнаты.

4

Эдуард Страстин собирался этот вечер провести, как обычно — в одном из клубов, куда он в последнее время наведывался почти каждый день. Нельзя сказать, что ему там очень нравилось, но надо же было куда-то деваться, чтобы убить время, которое имело противное свойство тянуться бесконечно медленно. Эдуард догадывался, что где-то существуют такие счастливики, которые часов не наблюдают, но он не имел к этой публике никакого отношения. Как же иногда Эдуард им завидовал. Особенно сейчас, когда жизнь его переменялась таким образом, что он мог себе позволить целыми днями не то, что не выходить из дома, но даже не вставать с кровати. И это все благодаря его браку с известной светской львицей, владелицей сети брендовых магазинов нижнего дамского белья и просто красивой женщиной Алиной Слободиной. Этот брак Эдуард считал самой большой удачей своей жизни. Еще бы! Не каждый в одно мгновение сумеет превратиться из обычного менеджера ресторана в супруга одной из самых известных женщин города. И пусть его недоброжелатели шипят в спину, что это мезальянс,

ему от их ядовитых реплик ни холодно ни жарко. Пусть хоть захлебнется своим ядом. Он, Эдуард теперь неуязвим для них.

Так уж и неуязвим? ухнуло у него где-то глубоко внутри. Это гадкий червячок сомнения проснулся после долгой спячки и принялся за свою мерзкую работенку. Эдуарду сразу стало не по себе. Захотелось тут же удавить это противное членистоногое за то, что оно осмелилось грубо нарушить его безмятежное существование. Ведь жить с дискомфортом внутри себя Эдуард не любил. Надо было срочно что-то предпринять. Сработал привычный рефлекс — рука потянулась к бару. Там у него имелось верное средство от любой напасти.

Через пол часа ему уже было хорошо. Настолько хорошо, что уже не хотелось никакого клуба и никаких развлечений. Зачем? Когда так уютно в мягком кресле и в пределах протянутой руки его любимый коньяк. Эдуард плеснул очередную порцию коричневатого-золотистой жидкости в свой бокал и тут же залпом опрокинул его.

— Эдуард Борисович, машина уже готова. Можно ехать в любой момент, — услышал он за своей спиной голос шофера.

Эдуард недовольно поморщился, но ничего не сказал ему. Вместо ответа еще удобней устроился в

кресле, снова наполнил бокал и вновь опрокинул его содержимое внутрь себя. В голове зашумело. Эдуард прикрыл глаза и прислушался, пытаясь понять, насколько близок он к поставленной цели. Через секунду с удовлетворением констатировал тот факт, что она достигнута. Мерзкая тварь исчезла из его поля зрения и больше не напоминала о себе. Жизнь снова показалась ему удивительно приятной. Эдуард открыл глаза. Шофер продолжал стоять на том же самом месте.

— Чего тебе, Серега?

— Так я говорил уже, машина готова, — проговорил Сергей.

— Я понял, иди, — вяло махнул рукой Эдуард, желая поскорее отделаться от назойливого шофера.

— А вы, когда выйдете? — продолжал допытываться Сергей.

— А зачем мне куда-то идти. Мне и тут не плохо.

— Так вы сами говорили, к шести часам подавать машину, — Сергей вопросительно уставился на хозяина.

— Выезд отменяется, все. Финита ля комедиа, — Эдуард для пущей убедительности сделал отрицательный знак рукой.

— Зря вы так, — покачал головой Сергей.

— А это уже не твое, браток, дело. Подать

машину, убрать машину, делай, что тебе говорят, и не рассуждай много.

— Да, я не об этом.

— Да? А о чем же тогда, — удивился Эдуард.

— Алина Олеговна расстроится, — пояснил шофер.

— Расстроится? А с чего бы это. Муж дома, не гуляет со всякими... в отличие от нее, — Эдуард снова плеснул себе в бокал и залпом выпил.

— Она расстроится, что вы снова пьете, — укоризненно произнес шофер.

— Да ни фиги, она не расстроится. Она не заметит даже. Плевать она хотела на то, что я пью. С некоторых пор ей на все на...чхать, — Эдуард громко икнул.

— И вот этого она не любит, — продолжал гнуть свое Сергей.

— Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет...Серега, а как ты думаешь, она меня пошлет к черту или нет? А? — Эдуард снова икнул.

— Если вы будете часто в таком состоянии, то можно все ожидать.

— Во, ты зришь в корень. Я тоже так думаю. Только не от того, что я нализался, как свинья, а от того, что она бесстыжая тварь...т-с-с-с, — Эдуард встал с кресла и пошатнулся.

— Ты ничего не слышал, браток. Ничего.

Договорились? — заплетающимся языком проговорил Эдуард.

— Конечно, ничего, Эдуард Борисович. Мы с вами говорили о жизни. А про Алину Олеговну — ни слова.

— Молодец, ты мне нравишься. Иди, выпей со мной, — Эдуард потянулся к бутылке.

— Нет, что вы, я на работе. Мне нельзя.

— Да какая к черту работа, — настаивал Эдуард. — Я никуда сегодня не еду. Пей, от такого коньяка не отказываются.

— Нет. Не положено. Я лучше пойду. А вы бы спать ложились. Алина Олеговна придет и ничего не заметит тогда.

— Да? Ты думаешь, мне это поможет? — усмехнулся Эдуард.

— Конечно, утром будете, как огурчик.

— Вот, дурак. Я разве об этом. Ну, ладно, что с тобой говорить. Иди уже, — Эдуард неопределенно махнул рукой. Шофер поспешил удалиться.

Какое-то время Эдуард тупо сидел в кресле. Затем его взгляд упал на бутылку, она была пуста. Эдуард встал и шатаясь направился к бару. Оттуда он извлек другую бутылку, еще не начатую. Минуту он, раздумывая, глядел на нее, затем принялся открывать.

Анна мерила шагами аллеи старого парка, расположенного недалеко от ее дома. Только сейчас она оценила преимущества расположения своего жилища именно в таком месте. Куда бы она сейчас пошла в противном случае? Где бы смогла успокоить свое взбудораженное сознание? К Смольской? Ну, уж, нет.

Анна наперед знала, что скажет ей подруга. Нет, сейчас она не хотела этого бесконечного перетирания давно заезженной темы. Сначала Смольская очередной раз бы напомнила Анне, какие все мужики сволочи, а потом предложила бы вариант использования этой сволочной братии для достижения своей личной выгоды. Что касается Рагозина, тут все и так ясно. Лена высказалась сегодня в театре вполне определенно. Анна слышала от нее это уже не в первый раз. А вот относительно Мити Анна никогда не разрешала Смольской циничных высказываний, настаивая на том, что у них с Митей огромное и светлое чувство. Анна не рисковала перед Смольской называть это любовью, но в глубине души была уверена в том, что они с Митей любят друг друга. Но сегодня первый раз усомнилась в этом. Цепкие щупальца сомнений крепко впились в нее и не хотели отпускать с того самого момента, как Анна

услышала от Мити его ошеломляющее заявление. Он предложил ей отдаться режиссеру так буднично и просто, как будто всего-навсего советовал ей сходить купить батон хлеба. Как только Анна об этом вспомнила, горячая волна ненависти к своему обидчику, смешанная с острой жалостью к самой себе, к своему оскорбленному самолюбию, бросилась ей в голову.

— Если бы он меня любил, он никогда бы не произнес таких слов в мой адрес, — прошептала Анна и заплакала. Она рыдала, громко всхлипывая и размазывая слезы по щекам. В парке было пустынно, и Анна смогла наплакаться вволю, не привлекая ничьего любопытного внимания. Когда она успокоилась, то почувствовала себя немного лучше. Как будто вместе со слезами ушла и часть нанесенной ей обиды. Но Анна знала, что слезами горю не поможешь. Слезы, это легкая терапия, скорая помощь самой себе. А вот, чтобы избавиться от последствий услышанного, необходимо поговорить с Митей. И как можно скорее, не откладывая в долгий ящик, пока эта обида не укоренилась в ней всеми своими корнями. Анна была полна решимости не дать этим ядовитым отросткам возможности прорасти в своем сердце. Она спешно повернула к дому.

Дмитрий не то, чтобы очень переживал по поводу возникшего недоразумения у них с Анной,

но ему было слегка не по себе. Он знал взбалмошный характер своей подруги и теперь немного опасался того, что под горячую руку, она выгонит его. И куда он тогда пойдет? Он приезжий, в этом городе никого не знает. Да и заработка у него сейчас нет. Музыканту так трудно найти работу по душе и соответствующую его таланту. Ведь он настоящий художник, творец, а не ремесленник, примерно так рассуждал Дмитрий, прислушиваясь к тишине квартиры. Ему хотелось, чтобы Анна скорее вернулась. Он надеялся, что она уже успокоилась. Анна была вспыльчивой, но и быстро отходчивой, при этом никогда не напоминала ему о его промахах. Время шло, но Анна все не появлялась, и Дима незаметно для себя задремал. Он не слышал, как пришла Анна.

Анна осторожно присела на краешек дивана, чтобы не разбудить спящего друга. Во сне его лицо казалось ей таким беззащитным и родным, что Анна даже усомнилась в том, что конфликт, возникший между ними, произошел на самом деле. Ее захлестнула волна острой нежности. И в тот же самый момент сердце Анны сжалось от тяжелого предчувствия, что эта нежность, не что иное, как прощальный привет ее любви к этому человеку. Ей снова захотелось плакать, но в этот момент Дима открыл глаза, сонно потянулся и как ни в чем не бывало поцеловал ее в губы. Анна не

сопротивлялась, но и не ответила на его поцелуй.

— Где ты так долго ходила? Иди ко мне, — Дима притянул ее к себе.

Анна высвободилась из его объятий и холодно произнесла:

— Вставай, нам надо поговорить.

— Ну, вот. Сейчас начнется, — с видом обреченного Дима поднялся.

Анна смотрела на Диму и никак не решалась спросить его о самом главном. Дима тоже молчал. Он не хотел торопить то неизбежное и неприятное, которое вот-вот должно было произойти между ними.

— Ты любишь меня? — наконец выстрелила Анна вопросом, который мучил ее.

— Ну, что ты, как школьница. Мы же взрослые люди и время первой любви у нас давно уже прошло.

— У людей бывает не только первая любовь, но и вторая и даже третья. — Анна выжидающе уставилась на Диму.

— Везет же людям, — усмехнулся он, — А вот у меня не было даже первой. Дима решил, что ни за что не позволит себя сейчас принудить к этим сопливо-слюнявым признаниям, к которым он всегда испытывал отвращение. Еще ни одной девушке на свете он не признавался в любви и не хотел этого делать. Это было для него делом

принципа.

По жизни Дима был большим пофигистом. Ему многое было до фонаря. Но вот одного слова он боялся больше, чем бабочка огня. Это было слово любовь. Ему казалось, что оно очень веское и емкое, произнеся которое, он накладывает на себя огромные обязательства. А быть обязанным кому-то Дима, ох, как не любил. Ему нравилось порхать по жизни легко, свободно и без особых привязанностей.

— Ты хочешь сказать, что не любишь меня? — донесся до Димы голос Анны.

— Ну, что ты заладила: любишь, не любишь. Неужели это так важно?

— Для меня — да. Я считала это само собой разумеющимся, раз мы вместе.

— Это совсем необязательно. Достаточно просто взаимного влечения. Вот меня к тебе тянет. Разве этого мало, чтобы быть вместе? — спросил Дима.

— Этого достаточно лишь для того, чтобы просто переспать с женщиной. Но, чтобы долго находиться вместе..., — голос Анны дрогнул.

— Ты все усложняешь. Жизнь на самом деле гораздо проще. А такие, как ты, не хотят этого понять. Им подавай трудности. Расслабься, — Дима осторожно дотронулся до плеч Анны. Анна резко увернулась от его руки.

— Я хочу знать ответ на свой вопрос — Эти слова прозвучали, как приказ.

— Я понимаю, что ты ждешь от меня только тех слов, которые хочешь услышать. А я не могу их тебе сейчас сказать. Это будет нечестно. Я не знаю, что такое любовь. Но зато я отлично разбираюсь в сексе. И у нас с тобой это классно получается. Так почему бы нам не радоваться жизни на одном этом основании? — Дима вопросительно посмотрел на Анну.

— Потому, что я не скотина. Потому что я способна на полноценные человеческие отношения, а не на усеченные, как ты мне предлагаешь! — крикнула Анна ему в лицо.

— Я не понимаю о чем ты, — устало произнес Дима, — Давай лучше закончим этот разговор.

Анна ничего не ответила. Она отвернулась к стене и закусила губы, чтобы не расплакаться в очередной раз за этот день. Она поняла, что дальше продолжать этот разговор бессмысленно. Похоже, что она полюбила человека, который совсем не заслуживает ее любви, который вполне мог бы удовлетворяться любым более или менее подходящим женским телом. Она встала и направилась к шкафу за постельным бельем. Дима внимательно наблюдал за ее непонятными действиями.

— Я лягу сегодня на кухне, — заметив его

вопросительный взгляд, пояснила Анна.

— Ты обиделась?

— Вовсе нет, — тряхнула Анна головой, —
Все нормально, спи спокойно.

— Тогда иди ко мне.

— Нет, я сегодня устала, измотана и хочу нормально выспаться, — Анна плотно закрыла за собой дверь и погасила свет. Ей вдруг до жути захотелось побыть одной.

6

Алина подкатила к своему дому, пару раз просигналила. Из ворот выскочил Сергей. Она вышла из машины, бросила ему ключи от нее, которые он ловко поймал.

— Как добрались, Алина Игоревна? С машиной все в порядке?

— Машина работает, как часы. Спасибо, Сергей. — Она посмотрела на шофера. — Как там? — спросила она.

Лицо Сергея словно бы застыло. Ей стало понятно все и без слов. Опять все повторяется, подумала она. Ладно, посмотрим, в каком состоянии ее муженек.

— Поставь машину в гараж, — приказала Алина. — Я сегодня больше никуда не поеду.

Слободина прошла в дом. Эдуард сидел в

таким глубоким кресле, что его ноги были почти на уровне головы, и смотрел телевизор. Показывали какой-то мультфильм, но его это явно не беспокоило. Ему было абсолютно все равно. И не удивительно, отметила Алина, если учесть, что в стоящей рядом на столике бутылке коньяка напитка оставалось совсем на доньшке.

Слободина села рядом с мужем.

— Интересная передача? — спросила она.

Эдуард повернул голову в ее сторону, словно бы только что увидел жену.

— Не оторвешься, — буркнул он.

— Я и вижу, целый день здесь просидел. Только от чего ты никак не можешь оторваться: от телевизора или от нее, — кивнула она на бутылку.

— От того и другого. А чем еще, скажи, заниматься.

Слободина почувствовала прилив раздражения. Впрочем, в последнее время все разговоры с Эдуардом сопровождались появлением этого чувства.

— У человека в жизни масса дел, — отозвалась Алина. — Мне вот целого дня не хватает, чтобы их все переделать. Эдуард встрепенулся так резко, словно его укололи иголкой.

— Разумеется, ты же у нас деловая женщина. У тебя целая компания.

— Тебе кто мешает заняться чем-нибудь полезным, а не только коньяк глушить?

От возмущения Эдуард даже привстал.

— И это говоришь ты!

Алина пожала плечами.

— А кто же еще, в доме больше никого нет. Сергей в гараже.

— Разве не ты не даешь мне заняться делами, не подпускаешь к ним и на километр.

— Но почему тебе непременно надо заниматься делами в моей компании. Мир такой большой, в нем есть много всего.

— Хорошо, я согласен, не хочешь дать мне самую скромную должность в своей компании и не надо. Я тебя сколько раз просил: дай денег на ресторан. Ты же знаешь, я понимаю в этом толк. Будет хорошее заведение. Отыграем бабки быстро.

Несколько секунд Алина смотрела на экран телевизора, где по-прежнему шел мультфильм. А ее жизнь с этим человеком не напоминает чем-то анимационное кино? Дать ему денег. Да она еще не сошла с ума. Это все равно, что выбросить их в мусорное ведро или подарить первому встречному. Нетрудно представить, с каким треском лопнет этот проект.

— Мы уже говорили с тобой на эту тему, денег я тебе не дам, — постаралась, как можно спокойней произнести Слободина. По-прежнему

опыту знала, после этих слов Эдуард обычно приходил в ярость. Напрасно она селя рядом с ним. Прошла бы в свою спальню, да легла. После встречи с Михаилом она ощущает некоторое утомление; уж слишком много они с ним занимались сексом.

Ее предвидение оправдалось, Эдуард действительно взбеленился. Он снова вскочил с кресла и заметался по комнате.

— Ты тратишь огромные деньги на бесчисленные свои прихоти. А дать мужу не такой уж большой капитал, чтобы он завел свое дело, жалко. Разве так поступают хорошие жены. Знаешь, кто ты после этого!

Слободина постаралась сохранить спокойствие.

— Я зарабатываю деньги, и я их трачу так, как хочу. И никому, даже тебе, отчет давать не собираюсь. Уж, извини. Хочешь иметь свой ресторан, найди средства. Не так уж это и трудно, можно пойти в банк. А ты желаешь, чтобы тебе принесли все на блюдечке. Но это только в твоих мультиках происходит, — кивнула она на экран. — Да и то все реже и реже.

— Между прочим, ты тоже не сама все заработала. Твоя компания досталась тебе от мужа.

— Но я ее значительно расширила. Она сейчас приносит гораздо больше дохода, чем при нем. Тебе

мало того, что ты имеешь: этот дом, где ты живешь, машину с личным шофером, чтобы тебя возил, когда ты напиваешься вдрызг. Чего тебе еще надо? Радуйся, что пока это есть.

— Что значит пока? — уставился на нее Эдуард.

— Это значит то, что ничего не бывает вечным. Что однажды пришло, то может однажды и уйти. А теперь, извини, я пойду, полежу. После разговора с тобой, у меня что-то разболелась голова.

Алина встала, вылила в рюмку остатки коньяка из бутылки и выпила. Какую гадость он пьет, ведь хороших напитков в доме хоть залейся. И так во всем, из хорошего и плохого ее любимый супруг всегда выберет плохое.

Она поднялась на второй этаж и прошла в свою комнату. Не раздеваясь, легла на диван. В голове без всяких с ее стороны усилий возникли слова любовника о том, чтобы объединить их судьбы и бизнесы. А может, в этом есть свой смысл, таким образом, она не только освободится от надоевшего мужа, но и укрепит свое положение, как деловая женщина. В последнее время вести бизнес становится все трудней и трудней, конкуренты обступают со всех сторон. Она непременно все тщательно обдумает и взвесит в самое ближайшее время. А сейчас ей жутко хочется

спать.

7

Сколько Анна себя помнила, столько в ней постоянно жило ощущение, что театр это храм искусств, где создается все самое доброе и светлое. Она всегда переступала его порог с трепетом. И тогда, когда была еще девчонкой и ходила в театр, как зритель, и гораздо позднее, когда пришла в него работать. Среди их труппы не было ни одного актера, который бы так самозабвенно служил театру, как Анна. Она считала, что так и должно быть, что это естественно отдаваться любимой профессии со всей силой своей страсти. И она отдавалась, не ожидая взамен быстрых результатов. Она рассчитывала, что все это придет потом: и признание коллег, и любовь, и обожание публики. Если бы кто-то сказал Анне, что любая страсть порочна, даже такая чистая и возвышенна, как ее, она бы ни за что не поверила. И зря. Теперь это Анна понимала очень отчетливо.

«Ну, ничего, на ошибках учатся, — рассудила она. — Теперь в любой любви: и к театру и к мужчинам, я буду соблюдать дистанцию».

Анна позволила себе опоздать к началу репетиции. Первый раз за все время работы в театре она сделала это сознательно. Куда ей было

спешить, ведь со спектакля ее сняли, и она могла вовсе не приходить сюда. Но Анна пришла. Она решила действовать так, как советовали ей самые близкие люди. Она уселась в зрительном зале и стала внимательно наблюдать за происходящим на сцене. Репетировали сцену, в которой еще вчера была занята Анна.

— Ты только посмотри на эту корову, — услышала Анна горячий шепот у себя за спиной, — ей только доярок играть. Это была Смольская. Анна ничего не ответила. Она внимательно наблюдала за игрой Котовой.

— Нет, ну надо же, — продолжала возмущаться Смольская, — Ежу ведь ясно, что она провалит эту роль. А могла бы ты сейчас стоять на сцене, а не эта свиноматка.

— Чтобы там стоять, надо сначала лечь, — усмехнулась Анна.

— Подумаешь лечь. В чем проблема? — недоумевала Смольская.

Вместо ответа Анна постучала пальцем по своей голове.

— Я давно догадывалась, что тебе головку подлечить не мешало бы, — с сожалением заметила Смольская.

— Не переживай за меня. Нашелся врач. Подлечил, — горько сказала Анна, — Вправил мозги, будь здоров.

— И кто же это доктор? — Глаза Смольской, словно два факела, загорелись от любопытства.

— Не важно. Главное, что есть результат, — напустила Анна таинственности.

Похоже, он классный специалист, если даже такую, как ты, вразумил, — хмыкнула Смольская.

— Ты попала в точку, классный, — процедила Анна сквозь зубы.

— А ты чем-то недовольна?

— А кто сказал, что я недовольна. Я очень даже довольна.

— Вот и молодец. Ну, ладно, я побежала. Сейчас мой выход, — Смольская встала и пошла к сцене.

После репетиции Анна отправилась в кабинет Рагозина. Режиссер сидел в своем любимом кожаном кресле, глубоко откинувшись на его спинку и положив ноги на стол. Го грузная фигура казалась зажатой между двумя подлокотниками кресла и впаянной в него намертво.

Прикрыв глаза, Рагозин наслаждался долгожданным покоем. Выплеснув весь свой эмоциональный накал на сцене, он чувствовал себя вялым и как никогда уставшим. Сегодняшней репетицией Рагозин остался недоволен.

Определенно эта Котова гораздо более тяжелый материал, чем Чеславина, размышлял режиссер. Но зато девчонка покладистая и, похоже,

готова на все, чтобы он оставил ее в спектакле. Придется так и сделать. И другим будет наука, если вздумают показывать свой норов.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнул Рагозин и на всякий случай убрал ноги со стола.

В проеме двери показалась Чеславина.

Под недоумевающим взглядом Рагозина Анна прошла к столу, и, не дожидаясь его приглашения, уселась на стул, закинув ногу на ногу.

Рагозин рассматривал актрису во все глаза. На Анне была короткая юбка, открывающая длинные стройные ноги. Блузка с глубоким вырезом облегла тело, как вторая кожа. Между поясом юбки и низом кофточки виднелась тонкая полоска кожи, которая открывалась взгляду всякий раз, как только Анна меняла позу. Глаза Рагозина замечались между этой соблазнительной полоской и ножкой Анны, которой она многозначительно покачивала, в упор глядя на Рагозина.

— С чем пожаловала? — нарушил затянувшееся молчание режиссер.

— Я пришла сказать вам, что была виновата, — потупив глаза, скромно проговорила Анна.

— Я это и без тебя знаю, — взгляд Рагозина снова уперся в ее ноги, — Что еще?

— Я была не права, когда спорила с вами.

— Да ты ни хрена не хотела слушать, когда я перед тобой распинаялся, что от тебя требуется, — с раздражением бросил Rogozin.

— Больше этого не повторится.

— Ну, что ж, похвально. Всегда приятно, когда человек признает свои ошибки. Иди и больше не совершай их, — Rogozin встал, давая понять, что их разговор окончен. Но Анна не сдвинулась с места.

— А как же моя роль в спектакле? — вкрадчиво спросила она.

— Я передал ее Котовой.

— Это ваше окончательное решение?

— А ты думаешь, что я тасую роли, как карты в колоде? Разве я похож на карточного шулера? — рявкнул Rogozin.

— Нет, что вы. Но я думала... может, у вас нашлась бы для меня другая роль... в другом спектакле, — Анна соблазнительно улыбнулась Rogozину, — Поверьте, на этот раз вы не разочаруетесь во мне.

Rogozin задумался. Взгляд его смягчился и снова заскользил по ногам Анны.

— Ну, хорошо. Есть у меня одна роль, — задумчиво произнес он, — Только сценарий у меня дома. Подъедешь завтра вечером, я тебе его дам почитать. Согласна?

— Конечно, согласна, — с готовностью

ответила Анна.

— Тогда записывай адрес.

Когда Анна вышла из кабинета, Rogozin довольный плюхнулся в кресло.

8

Слободина приехала в офис не в лучшем расположении духа. Она и сама точно не понимала, почему у нее плохое настроение. Вроде бы все идет нормально, по крайней мере, не хуже, чем в предыдущие дни. Но ее не отпускает ощущение, что что-то не так.

А ощущениям она привыкла доверять больше, чем даже своему разуму. Он ни раз ее подводил, а интуиция часто подсказывала ей единственно верные решения. И она следовала им, даже если и советовали поступить иначе.

Алина вошла в кабинет. Дел как всегда было много, но она не спешила приниматься за них. Своей невидимой паутиной ее снова окутали мысли. Все последнее время она чувствовала, как усиливается на нее давление. Впрочем, стоит ли тому удивляться, в эпоху сплошных слияний и поглощений более сильными более слабым, ей удается сохранять самостоятельность. Только она одна знает, каких усилий ей это стоит. Но даже они бы не помогли, если бы в свое время ее первый муж

не вложил большие средства в раскрутку своего бренда. И это до сих пор позволяет компании держаться на поверхности. Человек он был мерзкий, но дело свое знал. И ее многому научил. Не прошла бы она этой школы, давно бы была такой же, как Эдуард.

При воспоминание об Эдуарде, Алина невольно поморщилась. И вдруг ясно осознала: совместную жизнь с ним надо как можно быстрее завершать. Иначе ничем хорошим ни для бизнеса, ни лично для нее это не кончится. И сразу же ощутила облегчение. Главное свершилось, она приняла внутри себя решение. Остается довести его до реального воплощения. Но с этим она торопиться не станет. От Эдуарда отделаться раз плюнуть. Но разве в нем дело, кто придет на смену ему? Понятно, что самый верный и реальный кандидат Михаил. И она совсем не против этой кандидатуры. Но надо сделать так, чтобы он ее не облапошил. Она знает его — хитрый жук, все его поступки имеют дальний прицел. И если он мечтает когда-нибудь отобрать у нее компанию, то следует так все обставить, чтобы это ему не удалось ни при каком раскладе.

Довольная собой Алина улыбнулась. То, что ей удастся претворить в жизнь свой план, она не сомневалась. И не такие дела обтяпывала. Для этого у нее есть хорошие и преданные юристы.

Разумеется, их преданность стоит ей даже очень недешево. Но что сейчас дешево? Такие мужья, как Эдуард. В свое время он тоже был не плох, как мужчина он доставил ей немало удовольствий. Но это все в прошлом, а ее ждет не менее замечательное будущее. Но уже без него. Даст ему небольшого отступного — и пусть проваливает на все четыре стороны.

В кабинет вошла секретарша. Слободиной показалось, что она чем-то взволнована.

— Вас просит принять господин Шпетер.

Алина наморщила лоб. Где-то она слышала совсем недавно эту фамилию. Ну, конечно же, ее упоминал Викторович. Как-то он вскользь сказал, что конкурирующую фирму «Дамское счастье» купил какой-то новый владелец. И назвал именно эту фамилию. Она помнит это точно. И еще Михаил добавил, что по слухам он связан с криминалом.

Алину захлестнули плохие предчувствия. Зачем он пожаловал к ней?

Но внешне она никак не проявила свои чувства. Посмотрела на Любу и сдержанно сказала, что готова принять его через пять минут.

Пять минут у нее ушли на то, чтобы привести себя в порядок: посмотреться в зеркало, провести помадой по губам, поправить прическу. Своим видом она осталась довольна; одновременно строгая деловая женщина и красивая дама.

Посмотрим, что это за тип?

Шпетер сразу же произвел на нее впечатление, потому что не мог его не произвести. Рост под два метра, широкие плечи, довольно грубое и решительное лицо. Но более всего поразили его глаза; такого жесткого, беспощадного взгляда она еще не видела. Такой прихлопнет, как муху, и не поморщится.

Но пока же лицо Шпетера улыбалось ей. Алина встала и пожала его руку.

— Здравствуйте, господин Шпетер. Прошу садиться. Чем обязана? — Она замаялась, только что поняв, что не знает имени отчества этого господина.

Шпетер догадался об ее затруднении.

— Меня зовут Павел Арнольдovich.

— Так чем обязана вашим визитом, Павел Арнольдovich?

Шпетер улыбнулся, но Слободина заметила, что при этом улыбнулось только его лицо, а вот глаза смотрели хмуро и зловеще. Ей стало не по себе.

— Я счел необходимым с вами познакомиться. И может даже кое о чем договориться. Мы же теперь работаем с вами, как теперь говорят, в одной нише.

— Да, я слышала, вы приобрели контрольный пакет акций «Дамского счастья».

Шпетер, подтверждая, кивнул головой.

— Истинно так. Ваши информаторы вас не обманывают.

Алина пожала плечами.

— Но ко мне это не относится. Я ладила с прежним владельцем, надеюсь, поладим и с вами. Рынок большой, места хватит.

Шпетер какое-то время молчал. И Алине снова сделалось тревожно. О чем думает этот гигант?

— Да, вы правы, рынок большой, — вдруг произнес он. — Но в чем вы не правы, что на нем много места. Места, как раз на нем совсем немного.

Их глаза встретились. Взгляд этого человека говорил куда больше, чем произносимые им слова.

— Вы так полагаете? — Алина постаралась, чтобы ее голос звучал, как у диктора, спокойно. — Может, это и так. Но мое место на нем давно забронировано.

Шпетер в очередной раз улыбнулся и покачал головой.

— Никто никому ничего не бронирует. Сильный вытесняет слабого. Вам ли это не знать.

— Я знаю. — Алине едва удалось погасить в последний момент раздражение.

— Но сильный и слабый могут договориться. Разве не так? — Он выжидающе посмотрел на нее.

Алина поняла, что наступает

кульминационный момент разговора. В зависимости оттого, что сейчас она скажет, так во многом и будут развиваться события. Текли секунды, а она все пребывала в нерешительности. Ее визитер не торопил ее, но и не спускал взгляда.

Наконец она решилась. Будь что будет, сказала Слободина себе.

— Слабый становится сильным, если он начинает сопротивляться.

Что-то мгновенно изменилось в лице Шпетера.

— Вы даже не знаете, о каких серьезных деньгах идет речь.

— Моя компания не продается.

Шпетер встал со стула. Даже в ее просторном кабинете его фигуре казалось тесно.

— Я понял ваш ответ, — сказал он. — Но у меня предчувствие, что в скором времени вы поменяете свое мнение. Желаю удачи.

Шпетер двинулся к выходу. И пока он шел, Слободина не отрывала взгляда от его почти квадратной спины.

9

Анна волновалась перед встречей с Рагозиным, как девчонка, первый раз спешащая на свидание с любимым. Хотя между ней и той

девчонкой существовала огромная принципиальная разница. Анна не то, что не любила Рагозина, она испытывала к нему отвращение. И вот сегодня ей придется сыграть роль, для которой Анна призвала все свое мужество. Если бы это от нее потребовалось один раз, то Анна как-нибудь пережила бы это. Но она даже не надеялась, что ей так крупно повезет. При мыслях от перспективы, которая ее ожидает, у Анны сжималось сердце, но оно еще больше сжималось от сознания того, что Дима ее не любит. Это для нее явилось большим ударом, от которого Анна никак не могла оправиться. Она понимала, что для того, чтобы снова обрести потерянное равновесие, ей необходимо другое переживание, адекватное по силе предыдущему или превосходящее его, пусть даже отрицательного свойства. Поэтому Анна решилась.

Анна остановилась перед квартирой Рагозина и прежде, чем позвонить немного помедлила. Еще не поздно вернуться назад, мелькнула у нее мысль и рука ее, потянувшаяся уже к звонку, на секунду повисла в воздухе. Нет, обратной дороги у нее нет. Дима не оставил ей такой возможности. И решительно нажала на кнопку звонка.

Рагозин поджидал Анну, несколько не сомневаясь в том, что она придет. К этой встрече он основательно подготовился. Закупил в магазине

несколько бутылок спиртного. Не зная, что будет пить Анна, приобрел коньяк, мартини и красное сухое вино. Выставил эту галерею бутылок на стол и добавил к этой алкогольной экибанае конфеты и фрукты, полагая, что основательная закуска будет только мешать основному сюжету. Девушка должна по его замыслу захмелеть и стать податливой, как можно скорее. Ну, а дальше дело техники.

Едва Анна переступила порог, как тут же попала в цепкие объятия Рагозина. Он впился своими губами в ее губы, не давая ей даже опомниться. Анна, уже готовая ко всему, никак не ожидала такого бурного натиска.

Но, к счастью для нее, Рагозин пока только этим поцелуем и ограничился. Уже через минуту он выпустил Анну из своих медвежьих объятий и как ни в чем не бывало пригласил в комнату. Режиссер сразу плюхнулся на диван и легонько постучал пухлой ладонью на место рядом с собой, давая понять Анне, куда ей следует приземлиться. Но Анна сделала вид, что не заметила его жеста и села в кресло напротив Рагозина. Так она хотела обезопасить себя от его объятий, хотя бы на время. Ей нужно было морально подготовиться к новому раунду их отношений. Это уже никуда не уйдет, — с тоской подумала она, так пусть будет лучше позже, чем раньше.

Рагозин понял маневр Анны, но не стал

настаивать на своем. Мышеловка захлопнулась, куда ты теперь денешься, недотрога, ухмыльнулся он про себя и потянулся к бутылке.

— Я думаю нам надо слегка расслабиться, а потом уже и поговорим о делах. Что будешь пить?

— Коньяк, — ответила Анна, внимательно присмотревшись к ассортименту предложенных напитков. Ее расчет был прост, она выбрала то, что покрепче, чтобы поскорее опьянеть. Может быть, тогда ей будет не так противно вынести то испытание, что ей вскоре предстоит.

Рагозину понравился выбор Анны. Он играл ему на руку. Они выпили, Рагозин достал пьесу и протянул его Анне.

— Возьми домой, считаешь. Мне, кажется, роль главной героини будет тебе под силу.

Анна тут же спрятала рукопись в сумку. Пока она возилась с ней, Рагозин не терял времени даром, налил еще по одной рюмке.

— Между первой и второй, перерыв должен быть небольшой, — произнес он затасканный афоризм.

Анна не стала спорить с народной мудростью и залпом опрокинула рюмку. Голова у нее слегка закружилась и одновременно пришла легкость. То напряжение, которое не отпускало ее до настоящего момента, куда-то испарилось. Она улыбнулась Рагозину и кокетливо спросила:

— Неужели вы осмелитесь доверить мне роль главной героини?

— А почему бы и нет? Боишься, что не справишься?

— Не знаю. Еще недавно вам не нравились мои героини второго плана, а тут все-таки главная роль.

— Если не будет получаться, я тебе назначу персональные репетиции. Будешь приходить ко мне домой. Тут и будем репетировать, — Рагозин расплылся в слащавой улыбке.

Анне от его слов стало не по себе, и она попросила еще коньяк. Она снова опрокинула залпом целую рюмку. Когда Анна потянулась к столу, чтобы поставить рюмку, Рагозин поймал ее за руку и со всей силы дернул к себе.

— Иди сюда, ко мне на диван. Сейчас я тебе объясню первую сцену. Вот и посмотрим на что ты способна, а потом я решу, будешь ли ты играть эту роль.

Анна поняла, что час расплаты настал и закрыла глаза. Ей стало все равно.

«Как хорошо, что у него был именно коньяк, — подумала она вяло, — прекрасная анестезия от невыносимых ласк. Теперь я знаю, как вынести эту грязь. Я всегда буду напиваться прежде, чем он затащит меня в постель».

В тот же момент она почувствовала потные

ладони Рагозина между своих бедер и с готовностью раздвинула ноги. Ей хотелось только одного: чтобы все это поскорее закончилось.

10

Шпетер ушел из кабинета уже минут как пятнадцать, а Алина продолжала сидеть все также неподвижно, уставясь глазами в дверь, которая закрылась за посетителем. Казалось, что-то очень тяжелое придавило ее креслу так, что она была не в силах даже пошевелиться. Ей пришлось приложить немало усилий, дабы сбросить с себя тяжесть оцепенения. Из сумочки она достала сигарету и закурила. Давно сигаретный дым не казался ей таким желанным, она жадно глотала его, как будто бы он приносил ей надежду и уверенность.

То, что Шпетер заявился к ней, чтобы угрожать, сомнений у Слободиной не было никаких. Она и раньше встречалась с таким типом людей, они быстро переходят от слов к делу. А дела у них одни: шантаж, принуждение, а то и убийство. Она давно в бизнесе и навидалась всякого, сколько ее знакомых лишились своих компаний, а то и жизни по милости таких мерзавцев. И вот теперь, кажется, очередь дошла и до нее. А все по тому, что в последнее время ей нравилось быть на виду. Тусовки, статьи в гламурных журналах, где она

прославлялась как удачная бизнес-леди, и где она позировала в разных, хотя и всегда приличных позах. Она не скрывала, что богата, что у нее все хорошо, и что она зарабатывает кучу денег. И кто-то тщательно собирал информацию. И вот теперь пришел за данью.

Она должна немедленно с кем-то обсудить ситуацию, просигналила в голове мысль. С Михаилом. Она взялась за трубку телефона, но вдруг положила ее обратно. Она вдруг подумала о том, а что если Викторович и прислал к ней этого гиганта, чтобы побудить ее принять его условия. Конечно, это маловероятно, но и исключить такое тоже нельзя. В этом мире разыгрывались комбинации и похлеще. Тогда с кем поговорить? Даже странно, почему она сразу же не подумала о нем? Когда после смерти мужа компания досталось ей, Муравин Владимир Геннадьевич оказался единственным менеджером старшего и среднего звена, которого она не уволила. И оказалась права, в немалой степени все успехи фирмы были связаны с его работой. При этом он никогда не выпячивал себя, а спокойно делал свое дело. К тому же он был на двадцать лет ее старше, и это успокаивало Алину. Подсознательно она боялась молодых амбициозных мужчин, которые смотрели бы на нее, как на помеху для своего карьерного продвижения. Муравин же за все время их совместной

деятельности не дал ей повод усомниться в своей преданности.

Она позвонила ему и попросила немедленно зайти. И пока его ждала, выкурила еще одну сигарету. Это средство немного успокоило нервы.

Муравин вошел в кабинет.

— Вы неважно выглядите, Алина Игоревна. — Хотя они знала друг друга давно, но все равно были на «вы».

— С чего мне хорошо выглядеть, когда такое происходит.

— А что происходит, еще вчера все было абсолютно нормально.

— Вчера было нормально, а сегодня нет. У меня был только что посетитель по фамилии Шпетер.

По лицу Муравина Слободина поняла, что эта фамилия ему знакома.

— Я не исключал такой возможности, но не думал, что это случится столь быстро, — отозвался Муравин.

— То есть вы в курсе дела, — изумилась Алина.

— Я всегда отслеживаю ситуацию, — пожал плечами вице-президент.

— А мне не надо знать ничего об этой ситуации? — Она пристально посмотрела на своего заместителя.

— Вам в первую очередь. Но я не предполагал, что все так будут развиваться стремительно. А мне не хотелось вас расстраивать преждевременно.

— Может быть, вы мне все же объясните, что происходит, — с сарказмом произнесла Слободина.

— Разумеется. Вы же знали, что владельцы компании «Дамское счастье» собирались ее продавать.

— Ходили слухи, но я не придавала им значение. Дела у них шли хорошо.

— Так думали все. Но сейчас выясняется, что положение было не столь замечательным, они понесли убытки. И в какой-то момент срочно стали искать покупателя.

— И нашли этого Шпетера?

— Не совсем. Когда мне стало известна фамилия покупателя, я решил на всякий случай попытаться выяснить, кто это такой и кто за ним стоит.

— Выяснили?

— Кое-что. Сам Шпетер — не более чем подставное лицо. Семь лет своей жизни провел в местах не столь отдаленных. Не то за грабеж, то ли еще за что-то.

— Это чувствуется.

— А вот люди, что стоят за ним, более серьезные. По некоторым сведениям они сделали

большие деньги на паленой водке. И вот теперь решили уйти в другую сферу. Боюсь, они из тех, кто не терпит конкурентов. Им нужен весь рынок. И чтобы его занять, они готовы использовать любые методы.

— И зная об этом, вы молчали! — набросилась на него Слободина.

— Поверьте, Алина Игоревна, я готовился к этому разговору. Но события меня опередили.

Он не врет, подумала Слободина. По крайней мере, это похоже на правду.

— Ладно, не будем вдаваться в детали. Я вам верю, — примирительно произнесла она. — Лучше скажите, что делать в такой ситуации?

— Я думал над этим вопросом. И пришел к выводу: в одиночку нам не устоять. Нужно искать сильного партнера.

Одно к одному, мысленно отметила Алина. Она снова достала сигарету.

— Обычно вы так много не курите, — заметил Муравин.

— Обычно мне не угрожают, — ответила Слободина. — Я подумаю над вашим советом.

Муравин встал.

— Вы знаете, Алина Игоревна, я на вашей стороне. И потому считаю, что действовать надо как можно быстрее.

— Я учту эти ваши слова, — проговорила

Глава 2

1

Анна встала под душ и включила воду. Ей хотелось, как можно скорее смыть со своего тела следы пальцев рук Рагозина. Тонкие струйки воды впивались ей в кожу, но явного облегчения не приносили. Анне до сих пор казалось, что она находится в объятиях режиссера. Ее тело все еще хранило память о его прикосновениях и никак не хотело с ними расставаться.

Анна простояла под душем почти час, пока не почувствовала явного облегчения. Вода все-таки сделала свое дело и смыла с кожи ту грязь, которую она принесла домой. Анна завернулась в большое махровое полотенце и вышла из душа.

Дима с удивлением смотрел на нее.

— Что с тобой? Ты так долго была в ванной. Я уже стал волноваться, не случилось ли чего? — спросил Дима.

— Раньше надо было волноваться, а сейчас уже поздно, — отрезала Анна.

— Ты это о чем? Что-то я тебя не пойму, — Дима с интересом смотрел на подругу.

Анна ничего не ответила. Она молча прошла к креслу и уютно устроилась в нем, поджав под себя ноги. Прикрыв глаза, стала думать, рассказывать ли Диме о случившемся? И пришла к выводу, что стоит. Это будет ее маленькая месть ему за его отеческий совет переспать с Рагозиным.

— А что тут понимать. Я сегодня была с мужчиной, а мне после забойного секса, если ты помнишь необходимо принять душ, — Анна спокойно смотрела на Диму, как будто рассказывала ему какую-нибудь незначительную новость.

— Как с женщиной? — поперхнулся Дима.

— Могу объяснить как, если тебя интересуют подробности, — с вызовом ответила Анна.

— Я не это имел в виду, а как ты могла? — голос Димы дрогнул.

— Не знаю, что тебя так удивляет. Обычное дело. Сколько людей этим занимаются, — равнодушно пожала Анна плечами.

— Но ведь ты занимаешься этим со мной. Почему у тебя вдруг возник другой мужчина?

Анна внимательно посмотрела на Диму. Ей показалось, что он на самом деле не понимает почему.

— Потому что ты так захотел, — пояснила Анна.

— Что ты несешь! Ничего такого я не

хотел, — от возмущения Дима соскочил с дивана и выключил, работающий до сих пор телевизор. В комнате воцарилась тишина. Дима снова хотел сесть на диван, но передумал и взял стул. Он поставил его напротив кресла, в котором сидела Анна, и пристально уставился ей в глаза.

— Рассказывай, — приказал он.

— Ну, ты прямо, как следователь на допросе, — усмехнулась Анна.

— Рассказывай, — угрюмо повторил Дима.

— А я уже все сказала.

— Кто он? — Дима сверлил Анну взглядом.

— Рагозин, — ответила она и добавила после небольшой паузы, — Роман Анатольевич.

— Мне наплевать на это. Где ты его подцепила, на улице?

— Ну, зачем на улице. В театре. Он наш режиссер. Между прочим, очень талантливый, — уточнила Анна.

— Ах, вот оно что. Ну- ну. И что ты будешь иметь за это? — в голосе Димы зазвучали угрожающие нотки.

— Главную роль в новом спектакле.

Анна заметила, как взметнулась в воздух Диминая рука. Анна сжалась, ожидая удара, но его не последовало. Дима сумел справиться со своими эмоциями. Он сжал пальцы в кулак, так, что побелели костяшки, и со всей силы саданул по

стоящей рядом тумбочке. Зазвенело стекло. Стоявшая на тумбочке ваза упала на пол и разлетелась на мелкие осколочки.

— Ненормальный, тумбочка здесь при чем? — Анна бросилась собирать осколки.

— Проститутка! — выкрикнул Дима, — Продажная тварь!

— Сам ты тварь, — не осталась в долгу Анна.

— Что-о-о? — задохнулся Дима от возмущения.

— Да, тварь, тварь, тварь, — повторяла Анна, как заведенная.

— Ну и наглость. Можно подумать это я переспал с какой-нибудь шлюхой, а не ты! — снова крикнул Дима.

— Ты сам мне это посоветовал сделать, а теперь недоволен?

— Когда? Не помню.

— Не помнишь? — взорвалась Анна, — Ах, ты, гад! — теперь уже она замахнулась для удара, но Дима вовремя успел перехватить ее руку.

— Пусти меня, — Анна извивалась всем телом, пытаясь освободиться из Диминых рук, но он держал ее крепко.

— Когда я тебе советовал такое? Когда? — допытывался он.

— Извини, я не записала число и время, — Анна рванулась из последних сил и освободилась.

— Я помню тот разговор, — неожиданно спокойно сказал Дима, — но это было сказано не для того, чтобы ты этим советом воспользовалась.

— А для чего же? — глаза Анны округлились от изумления.

— Чтобы немного позлить тебя, — услышала она в ответ.

— Но зачем?

— Я был не в настроении, хозяйка квартиры требовала денег, а ты объявила, что их нет, и не будет. Ты просто попала в тот день, как говорят, под горячую руку.

Анна остолбенела. Так значит, это были просто слова! А она-то приняла их за чистую монету. Если бы не тот разговор, то не было бы тогда ее визита в кабинет Рагозина, не было бы квартиры Рагозина и его сальных поцелуев. Не было бы... Значит, все было зря? Анна почувствовала легкую тошноту.

Она подняла глаза на Диму.

— Уходи!

— Да, ладно, ну, что ты, я тебя прощаю, — залепетал Дима, не ожидавший такого поворота дел.

— Уходи, — жестко повторила Анна. — Я переспала с режиссером и нисколько не жалею об этом. И я собираюсь спать с ним и дальше. А тебе больше нечего здесь делать.

Анна прошла на кухню, оставив Диму одного в комнате. Через несколько минут она услышала, как хлопнула входная дверь.

2

Анна вошла в зал со смешанным чувством, ей хотелось и смеяться, и плакать. Смеяться оттого, что она впервые в своей артистической карьере через несколько минут получит главную роль в пьесе, а плакать оттого, какой ценой достигнута победа. Но внешне она никак не выдавала своих чувств.

Анна села рядом со Смольской. Та с некоторым удивлением покосилась на подругу.

— Я думала, ты не придешь, — произнесла она.

Хотя Лена и считалась ее едва ли не лучшей подругой, она не собиралась выкладывать даже перед ней все свои карты. Хотя совсем скоро она и так обо всем догадается. А если вдруг Рагозин ее обманет? Нет, такого быть не может, он же знает, что тогда не получит ее. А у него только при одном ее виде в прямом смысле слюнки текут. Она живо представила эту картинку — и ее передернуло. До чего ж противно! Но она вытерпит и это.

— Я так волнуюсь, — зашелестел рядом с ухом горячий шепот Смольской. — Получу ли роль

в пьесе? Хотя бы маленькую. В прошлый раз при раздаче я пролетела. Помнишь?

Анна кивнула головой. Такое не забывается, тогда она тоже надеялась на главную роль, а получила совсем небольшую.

— Все будет нормально, — попыталась она успокоить подругу.

— Ты думаешь, а я не уверена. Никто не сомневается, что главную роль отхватит Котова. Говорят, она хорошо для этого постаралась.

Анна невольно скосила на Котову глаза. Та сидела с видом победителя, ничуть не сомневаясь в оглашении результата. Ладно, посмотрим, что сейчас будет.

— А ты чего пришла? — продолжала допытываться Смольская. — После всего тебе ничего не светит.

— Из любопытства. Кстати, ты читала пьесу?

— Ну, да. До половины.

— А я всю. Мне понравилась, очень живая, с интересным сюжетом.

Смольская небрежно махнула рукой.

— Интересно играть. А смотреть пьесы, в которой играют другие, терпеть не могу. Если играют плохо, скучно. Если хорошо — завидно.

Анна улыбнулась; ею владели сходные ощущения.

Грузно ступая, словно носорог, появился

главный режиссер. Он занял привычное место и оглядел зал. На Анну он почему-то не посмотрел, и у нее невольно пустилось в пляс сердце. Она не может столь глупо пролететь, она и так принесла огромную жертву на алтарь искусства.

— Сегодня мы начинаем репетировать новую пьесу молодого драматурга Станислава Немирова, — провозгласил Рогозин. — И, как всегда, начнем с распределением ролей.

В зале, где только что стоял неясный, но сильный гул, вдруг стало тихо, как на похоронах. Все застыли в ожидании.

У Рагозина была привычка начинать распределение ролей с самых незначительных. Он называл персонажа и имя актера или актрисы. Где-то в середине списка прозвучала фамилия Смольской. От избытка чувств она обняла и поцеловала Анну в щеку.

— Я так рада, даже не представляешь. Простой губителен для артиста. — Внезапно Смольская осеклась. — Ань, ты не переживай, этот жирный боров ценит в женщинах только одно, а на талант ему плевать. А ты же в училище была самой талантливой.

Тем временем Рагозин перешел к главным персонажам. Анна кожей почувствовала, как напрягся зал, а ее сердце застучало также бешено, как африканский татам.

— На роль главной героини пьесы я назначаю Анну Чеславину. — громко и очень отчетливо объявил Рогозин.

Краем глаза Анна увидела, как без сил рухнула в кресло Ольга Котова. Анне не надо было смотреть в зал, дабы понимать, что находится в перекрестье взглядов всех присутствующих. В голове бурно пульсировала кровь, но внешне Анна сохраняла полное спокойствие, как будто бы ничего и не случилось.

— Анька, как тебе это удалось? — услышала она рядом с собой взволнованный голос Смольской.

Анна посмотрела на нее; лицо подруги отражало изумление. И вдруг его выражение резко изменилось.

— Ты сделала это. Ты сделала это!

Анна молча смотрела перед собой. Почему-то неожиданно радость померкла, а взамен возникло опустошение. Несколько человек бросились к ней с поздравлениями, но она совсем ничего не чувствовала. Ею вдруг овладели плохие предчувствия; ничем хорошим эта затея не кончится. Когда идешь против себя, жизнь рано или поздно, но непременно тебя наказывает. Остается лишь дожидаться, чтобы узнать, как она это сделает?

Эдуард проснулся рано. Сегодня ему предстоял великий день. Так он его для себя обозначил. Смысл «великий» он для него выбрал потому, что этому дню предстояло стать поворотным в его жизни. Эдуард так долго не решался сделать этот шаг, так долго откладывал его на потом, что и сам потерял веру в то, что однажды его сделает. И вот, наконец, свершилось. Он решился! С этой минуты его жизнь должна круто измениться. Он решил открыть свое дело. Эдуарду надоело быть придатком своей жены, надоело вымаливать у нее деньги на любую мелочь и чувствовать себя школьником, которого еще не пускают на фильмы для взрослых.

Он хотел свободы, денег, красивых женщин. Хотел чувствовать себя хозяином жизни. Когда Эдуард женился на Алине, то рассчитывал автоматически получить весь этот пакет вожделенных благ без особых затруднений. Но у Алины была своя точка зрения на этот счет. Она и близко не хотела подпускать его даже на задворки своего бизнеса, уже не говоря о важных и больших проектах. Первое время Эдуард настаивал на том, чтобы она хоть как-то задействовала его в своем бизнесе, но Алина была непреклонна. Она считала его не способным вести дела и определила ему роль любимой игрушки, которая доставляла ей удовольствие, скрашивала ее одинокие ночи и не

больше. Когда Эдуард это понял, он решил извлечь максимум выгоды из того положения, в которое поместила его жена. Он наслаждался жизнью во всех ее проявлениях, Модная одежда, дорогие машины, рестораны, отдых на престижных курортах стали главной составляющей его жизни на какое-то время. Но неожиданно все это ему быстро надоело и потеряло привлекательность. Жизнь стала казаться пресной, серой и ужасно скучной. Чтобы хоть как-то вернуть ей былые краски, Эдуарду все чаще и чаще требовалось прибегать к спиртному. Когда это средство от скуки стало ему уже необходимо, он ощутил легкое беспокойство, но не предпринял никаких действий, чтобы существенно изменить ситуацию. Ему уже было все равно.

Им овладела апатия. Он медленно и верно катился по наклонной. Наверняка, в конце концов, он бы спился и превратился в законченного алкаша, но однажды он узнал, что у Алины есть любовник. Это обстоятельство заставило его встрепенуться. Не из-за факта наличия мужчины у своей жены, а из-за того, что это могло внести значительные перемены в его жизнь.

Эдуард знал характер своей супруги. Она была последовательной и прямолинейной и не из тех женщин, которые скрывают амурные связи за спинами своих мужей. Такие женщины, как она,

легко расстанутся с мужьями и обзаводятся новыми. Эдуард испугался. Что ему придется делать, если Алина его выкинет из своей жизни? Вернуться к старому полунищенскому существованию? Ни за что! Поэтому Эдуард решился.

Накануне вечером он отказался, от ставшей уже привычной, бутылки коньяка и утром поднялся в бодром расположении духа. Он тщательно побрился, умылся, выбрал свой лучший костюм и, легко позавтракав, отправился в банк. Там он намеревался взять ссуду, чтобы использовать эти деньги на открытие своего ресторана. По его расчетам на первое время ему должно было хватить пятьсот тысяч долларов.

Эдуард отправился в банк, где его хорошо знали. Он нередко прибегал к услугам этого учреждения при возникновении различных денежных затруднений и всегда вовремя рассчитывался по счетам. Его кредитная история была безупречной. Эдуард рассчитывал, на то, что в банке ему не откажут.

Служащая банка вежливо выслушала его и попросила подождать. Она застучала пальчиками по клавиатуре и уткнулась в экран монитора. Несколько минут ожидания для Эдуарда показались вечностью.

Наконец девушка повернулась к нему и улыбнулась.

— К сожалению, Эдуард Борисович, мы вынуждены вам отказать.

Эта фраза произвела на Эдуарда ошеломляющий эффект. Ему показалось, что он ослышался.

— Извините, я не расслышал. Что вы сказали? — переспросил Эдуард.

— Банк не может удовлетворить вашу просьбу. Мы вам отказываем, — сияя ослепительной улыбкой, повторила девушка.

— Но, почему? На каком основании? — голос Эдуарда дрогнул.

— Я не могу вам рассчитать схему погашения вашего кредита. У вас нет постоянного ежемесячного дохода. Вам нечем подтвердить вашу платежеспособность, — девушка вновь лучезарно улыбнулась ему.

— Но, но ... неужели ничего нельзя сделать, — выдавил из себя Эдуард, — моя жена очень состоятельная женщина, вы знаете...

— Мы знаем, Эдуард Борисович. Для вас мы можем сделать исключение, но только в том случае, если ваша жена поручится за вас. Но даже ее одного голоса будет недостаточно. Нужен еще один поручитель...

Эдуард не стал слушать дальше. Как только он услышал, на каком условии банк может дать ссуду, он понял, что мечтам его не суждено

осуществиться никогда. Алина ни за что не позволит ему ввязаться в это дело.

Пошатываясь, на ватных ногах, Эдуард вышел на улицу. Он поднял руку и остановил первую, проезжавшую мимо машину.

— В «Разгуляй», — коротко бросил он водителю.

— Поехали, — согласился тот.

Эдуард плюхнулся на место рядом с водителем. Посмотрел на часы. До конца дня было еще уйма времени.

— Хватит, чтобы оттянуться по полной программе, — с удовлетворением подумал он.

4

В новом спектакле, который собирался ставить Рагозин, Ольга Котова рассчитывала на роль главной героини. Она считала, что эта роль уже у нее в кармане. А иначе и быть не могло. Единственно, кто мог претендовать на эту роль, так это Чеславина, но она вышла из игры. Глупая упрямица, не желающая поступиться своими принципами, хоть и талантливая. Но это даже ей, Ольге, на руку. Пусть Чеславина холит и лелеет свою нравственность — дуракам закон не писан. А у них в театре свои законы, которые провозглашает местный бог — Рагозин. И первая его заповедь для

актеров гласит: будь послушным воле режиссера и ни в чем ему не перечь. Умные сразу соображали, что к чему и были от этого только в выигрыше.

Ольга видела, как получали актрисы главные роли. И даже немного завидовала этим счастливицам. Она старалась изо всех сил, но почему-то Рагозин на нее мало обращал внимание. Но она не очень переживала по этому поводу. Она ждала, когда настанет ее час. И он пробил, наконец! Тот день, когда Рагозин прогнал Чеславину со сцены, Ольга запомнила на всю жизнь. Он заменил Анну не Ромашиной, ни Завьяловой, ни Смеловой, которые перемененно были фаворитками Рагозина, он заменил ее Ольгой Котовой! В груди у Ольги все клокотало от радости. Как она ликовала! Все! Конец всем этим Ромашиным, Завьяловым и иже с ними. Теперь в театре наступает новая эпоха. Эпоха Ольги Котовой. И теперь от того, как она постарается, зависит, сколько долго продлится эта эпоха. И Ольга старалась. Она просто стелилась перед Рагозиным, и ей казалось, что он был доволен ею.

В день распределения ролей Ольга была спокойна, как удав уже проглотивший часть кролика. Она уже заранее праздновала свою победу и с удовольствием наблюдала за всеми со своего места. Она видела, как волнуются актеры, с каким замиранием сердца ждут оглашения каждой новой

фамилии. Видела, как захлопала в ладоши Смольская, когда ей досталась какая-то совсем незначительная роль. Как перекосило Ромашину, когда ее называли следующей за Смольской. Наверняка, как бывшая фаворитка Рагозина, она рассчитывала на что-нибудь более значительное.

Список уже подходил к концу, а Ольгу все не называли. Но она и не беспокоилась. Так и должно быть. Ее фамилия прозвучит последней в этом длинном списке в виде финального аккорда. И вот наступил тот момент, когда Рагозин произнес магическую фразу: «На роль главной героини назначается», — после этого он обычно делал эффектную паузу.

Ольга победоносно осматривала зал, она даже приподнялась со стула, нисколько не сомневаясь в том, что именно ее фамилия сейчас будет произнесена, и ей придется стоять и принимать поздравления.

— На роль главной героини назначается Анна Чеславина, — произнес Рагозин.

Ольга уже почти поднялась со своего места, но, услышав фамилию Чеславиной, рухнула в кресло, как подкошенная. Вот это был удар! Для Ольги в новом спектакле не нашлось вообще никакой роли. Такого она не ожидала. Все дальнейшее происходило, как в тумане. Она видела, как все бросились поздравлять эту выскочку, эту ...

До Ольги вдруг дошло, как Чеславиной досталась эта роль. Ну, конечно! Эта святоша, эта лицемерка, строящая из себя недотрогу, оказалась обыкновенной шлюхой, осенило Ольгу.

Ольга вжалась в кресло. Ей хотелось уйти из зала, испариться, чтобы только не видеть этих злорадно- торжествующих взглядов, которыми все награждали ее. Но были и сочувствующие. Это были подруги по несчастью. Все они когда-то пережили то же, что сейчас переживала Ольга. К ней подошли Ромашина, Смелова и Завьялова.

— Не переживай ты так, — произнесла Ромашина, усаживаясь рядом с Ольгой.

— А кто сказал, что я переживаю, — Ольга старалась говорить спокойно, но голос плохо слушался ее.

— Да, ладно. Мы все через это прошли и ничего, живы — ободряюще улыбнулась Ольге Смелова.

Ольга ничего не ответила, у нее как будто ком в горле застрял.

— Она свое еще получит, однажды она окажется на нашем месте, — сквозь зубы прошипела Завьялова.

— А зачем нам ждать, когда это однажды наступит, а девочки? — хищно улыбнулась Ромашина. Мы можем уже сейчас устроить ей красивую жизнь.

— А, что? Вполне, — заговорщически подмигнула Смелова. — Ты, Ольга, как на это смотришь?

— Я? Я, как вы, — наконец, к Ольге вернулся дар речи. Она даже улыбнулась, но улыбка получилась вымученной.

— Вот и правильно, — одобряюще произнесла Завьялова. — Таких, как она, учить надо. Я понимаю, если бы она была, как все, то к ней не было бы и претензий. А то строила из себя святую. Я даже, грешным делом, уважала ее. Вот думала, характер! Силища!

— Она водила нас всех за нос, а это была просто хорошо продуманная игра. Кто бы мог подумать, что она такая хитрая, — зло сверкнула глазами Ромашина.

— Всех провела! А я, вообще-то, надеялась на эту роль, — с горечью выдохнула Смелова.

— Мы все могли претендовать на эту роль, не ты одна. Рагозин никогда не забывает старых подруг, — тряхнула головой Завьялова. — Но, когда такие, как Чеславина, застыт ему глаза, то нам еще долго ничего не светит.

— Зато ей светит, ох как светит... она еще не знает, кому перебежала дорожку, — произнесла вдруг Котова таким зловещим голосом, что все ошарашено уставились на нее, как будто видели впервые.

Шофер привез Эдуарда в клуб. Он вышел из автомобиля и направился к входу. Швейцар предупредительно отворил перед ним дверь.

— Добро пожаловать, Эдуард Борисович, — произнес он.

Эдуард кивнул головой и сунул в широкую ладонь швейцара мятую сторублевку. Пройдя внутрь помещения, огляделся в поисках знакомых. Настроение было таким мерзким, что ему нужен был срочно кто-то, сумевший бы отвлечь от неприятных мыслей. Одного алкоголя на этот раз для достижения этой цели будет явно недостаточно.

Эдуард обрадовался, увидев знакомое лицо. За столом в полном одиночестве сидел Юрка Кидяев. Когда-то они работали вместе в одном ресторане, затем он, Эдуард, женился на этой ведьме, а Кидяев завел свой небольшой бизнес. Он владел чем-то вроде пельменно-блинной, куда в основном выпить и закусить приходили после смены работяги с окрестных заводов. Эдуард ради любопытства сам был там пару раз. Заведение производило весьма отталкивающее впечатление: грязно, накурено, повсюду слышится отборный мат, даже от женщин. В общем, мерзость. Но ведь кормит и неплохо кормит. Этот Юрка ездит на последней модели

«БМВ», недавно купил шикарные апартаменты в престижном доме, отдыхает на хороших курортах. А ведь не так уж далеко то время, когда они трудились вместе, и он стрелял у него, Эдуарда, сотенные до получки и мечтал о «Жигулях» и однокомнатной квартирке, как о манне небесной. Кто бы мог тогда подумать, что к нему будет так благосклонна судьба. Да, эта дама явно любит далеко не всех.

Эдуард направился к столику Кидяева.

— Не помешаю тебе? — спросил он.

Кидяев посмотрел на Эдуарда, и тот увидел в его глазах нежелание разделить с ним свое общество. Это только обозлило Эдуарда и, не дожидаясь, ответа, он сел рядом.

Эдуард осмотрел стол и к своему удивлению обнаружил, что среди разных яств, вкушать которых не отказывал себе в удовольствии старый знакомый, отсутствует алкоголь. Даже бутылки легкого столового вина и то нет.

— А ты чего не заказал себе чего-нибудь выпить? — поинтересовался Эдуард.

— У меня еще не кончился рабочий день, много всяких дел, — как-то без большой охоты пояснил Кидяев. — А их лучше делать на трезвую голову.

— Раньше тебя это не останавливало.

— То было раньше, а теперь по-другому.

— И что же по другому?

— Собираюсь открыть еще одно заведение, — не без гордости пояснил Кидяев.

— Это твою пельменно-блинную? — пренебрежительно произнес Эдуард.

— Можно и так назвать, — ничуть не обиделся Кидяев.

— Был как-то там у тебя, настоящий гадюшник.

— Может, и гадюшник, а популярностью пользуется. Каждый месяц прибавляется посетителей.

Эдуард несколько секунд смотрел на Кидяева. И вдруг почувствовал резкий укол зависти. Кто бы мог подумать, что он так преуспеет, так изменится. Было время, когда он хлебал водку, как извозчик. Хотели из ресторана по этой причине выгнать. Едва уцелел. Что же он Эдуард сделал не правильно, а этот бывший алкаш — правильно, что у них теперь такое разное положение. Один процветает, а другой не знает, чем себя занять. Воистину, жизнь непредсказуема. Ну-ка, посмотрим, так ли уж он верен своим принципам?

— Официант! — закричал на весь зал Эдуард. На его зов быстрее ракеты примчался официант. — Принеси-ка нам, любезный, пару бутылочек коньячка. Самого лучшего, что есть в заведении. Ну и к нему, сам понимаешь закусочку.

Официант умчался с той же скоростью выполнять заказ.

Эдуард потер ладони.

— Сейчас мы с тобой хорошо вмажем. Как в старину. Помнишь?

Кидяев отрицательно покачал головой.

— Я же тебе сказал, что в рабочее время я занимаюсь делами, а не пьянствую.

— Даже со мной, со старым приятелем не пригубишь?

— Хоть с тобой, хоть с папой Римским, пить все равно не стану.

— Так ты вообще перестал пить?

— Почему же перестал. На отдыхе могу и выпить.

— А сейчас не отдых?

— Я зашел сюда по старой памяти пообедать.

— Брось. А вот и коньячок, — воскликнул Эдуард. — Молодец, хорошо сработал, будут тебе чаевые, — похвалил он официанта.

— Чего-нибудь еще хотите, Эдуард Борисович? — обрадовано спросил официант.

— Потом, — махнул рукой Эдуард и стал разливать коньяк по рюмкам.

— Извини, Эдик, но пить не стану, — твердо произнес Кидяев.

Эдуард посмотрел на него и понял, что тот не отступит. Ну и черт с тобой, ханжа, напьюсь один,

мысленно проговорил он.

Эдуард опрокинул в себя коньяк. И тут же почувствовал прилив энергии. Вот только куда ее девать, как использовать не представлял.

— Значит, дела у тебя идут хорошо, — произнес он.

— Не жалуясь, — ответил Кидяев.

— А вот у меня паршиво.

Кидяев удивленно взглянул на него.

— С чего это вдруг. Упакован ты вроде отлично.

— Я не чемодан, чтобы быть упакованным. Я человек. А это звучит гордо.

— Разве? Что-то не замечал, — не скрывая насмешки, проговорил Кидяев.

Эдуард снова влил в себя коньяк. Слова бывшего напарника больно ударили по самолюбию.

— Да ты кроме своей пельменно-блинной ничего и не замечаешь.

— А, знаешь, мне этого вполне достаточно. А я как погляжу, ты многое замечаешь.

Эдуард распался все больше. С ним произошло нечто странное. Он смотрел на Кидяева, а видел перед собой лицо жены. Он понимал, дело тут было не в коньяке, вернее, не только в коньяке, которого он уже вылакал целую бутылку, а в том, что он ненавидит эту женщину. Это из-за нее он впал в полное ничтожество. В такое ничтожество,

что даже Кидяев смотрит на него свысока. А было время, когда Юрка пол за ним подтирал.

Он взглянул на Кидяева, и его вдруг, словно ножом, полоснула ненависть к нему. Медленно, он взял новую бутылку коньяка и стал специально лить из нее мимо рюмки. Дорогой напиток лужицей разлился возле его ног.

— Смотри-ка, мимо, — пьяно засмеялся Эдуард. — Юра, ты по старой дружбе не вытрешь лужу? А то вляпаюсь в нее. Представляешь, будет от моих штиблет нести коньяком.

Кидяев вдруг резко встал.

— Ты меня извини, я пойду.

— А лужа?

— С лужей как-нибудь сам разбирайся.

— Тебя друг просит, а ты?

Кидяев, не отвечая, попытался выйти из-за стола. Эдуард грубо схватил его за руку и дернул на себя.

— Отпусти меня! — потребовал Кидяев.

Эдуард вдруг захохотал.

— Пока не вытрешь, не пойдешь в свою занюханную пельменно-блинную.

Кидяев попытался вырваться, но Эдуард что есть силы, толкнул его. Кидяев, споткнувшись о стул, упал на пол. Вслед за ним туда же полетели остатки его обеда.

Кто-то, пытаясь успокоить Эдуарда, схватил

его сзади. Этим человеком оказался все тот же услужливый официант. Эдуард развернулся и ударил его кулаком в подбородок.

Официант вслед за Кидяевым упал, тут же послышался грохот бьющейся посуды.

Теперь уже сразу несколько служителей клуба попытались утихомирить разбушевавшегося посетителя. Эдуард схватил стул и стал отбивать нападение.

Он сражался ожесточенно, не думая о последствиях своих действий, им овладела холодная ярость, порожденная единственным желанием, — отомстить за все неудачи и унижения последних лет.

Кем-то вызванный в зал вбежал наряд милиции. Подкравшись сзади, стражи порядка легко справились с дебоширом.

Эдуард лежал на грязном полу, посреди обедков, в той самой коньячной луже — и плакал от бессилия.

6

Пока Слободина ехала в машине, то старалась обдумать ситуацию. Больше всего ее сейчас пугал даже не сам визит этого Шпетера с глазами хладнокровного убийцы, а то, что после него ей стало трудно кому-то верить. Даже Михаилу. Уж

больно быстро сбылось его предвидение; стоило ему сказать, что конкуренция растет, и многие хотели бы заполучить ее компанию, как тут же появляется человек и пытается воплотить этот план. Разумеется, это может быть всего лишь совпадением, ну а если не совпадение. Как узнать?

Алина понимала, что если на нее будет предпринята со всех сторон атака, ей ни за что не уцелеть. Для этого у нее не хватит ни сил, ни знаний, ни ресурсов. За те пять лет после смерти супруга, когда она взяла бразды правления компанией в свои руки, она многому научилась. Да, она уже совсем не та наивная девочка, которую мог обмануть едва ли не любой, за этот период она поднатрела в делах. Но есть предел и ее возможностям. И она об этом хорошо знает. Но самое печальное в этой ситуации заключалось в том, что она знала, что Викторович вполне мог повернуть подобную комбинацию. В бизнесе такие случаи встречаются сплошь и рядом. Да она и сама делала весьма сомнительные вещи. И если он в этом как-то замешан, по большому счету она даже не может его осуждать. В их среде рассчитывать на чужую порядочность, конечно, можно, но крайне опасно. И все же Алина надеялась, что на этот раз Михаил ни при чем. Ведь он единственный человек, на которого она может опираться. С этой надеждой она и подъехала к дому любовника.

Он ее уже ждал. Она позвонила ему еще из офиса, сказала, что произошло нечто крайне неприятное. Но рассказывать подробности не стала. И теперь пристально всматривалось в его лицо; насколько искренен он в своем о ней беспокойстве.

Слободиной показалось, что Михаил вполне искренен. Пока она рассказывала, что случилось, его лицо становилось все более и более хмурым.

— Что ты обо всем этом скажешь? — завершила Алина вопросом свой рассказ.

— Я предполагал подобное развитие событий, вот только не думал, что все произойдет так быстро.

— Ты что-то знал?

Викторович пожал плечами.

— На уровне слухов.

— Но почему мне не сказал о них.

Он подошел к Алине и нежно взял ее за руку.

— Во-первых, не хотел тревожить раньше времени, да и не предполагал, что эти ребята так ретиво возьмутся за дело. А во-вторых, не случайно же я затеял разговор про объединение наших бизнесов. Чем крупней компания, тем трудней ее проглотить.

— Как-то все очень странно получилось. Ты начал этот разговор и тут же пришел этот бандит.

Викторович вдруг даже попятился от нее.

— Ты подозреваешь меня, что я его послал,

чтобы подстегнуть тебя к объединению?

Алина почувствовала смущение. Не слишком ли опрометчиво она поступила, проговорившись о своих подозрениях?

— Я так не думаю, но...

— Но не исключаешь такой возможности, — завершил он фразу.

— В жизни может быть все, что угодно. Разве не так?

— В этом ты права, — усмехнулся он. — Но на этот раз я тут ни при чем. Хотя не знаю, поверишь ли ты мне на слово.

— Прости, если я тебя обидела. Но в такой ситуации... — Ее прервал звонок мобильного телефона.

— Извини. — Она извлекла из сумочки трубку. Несколько минут молча слушала. — Я еду немедленно, — произнесла она и положила мобильник обратно.

— Что-то еще случилось? — встревожено спросил Викторович.

— Вот именно еще. Звонили из клуба, мой дорогой супруг напился и устроил дебош. Еду разбираться и возмещать убытки.

— Сама видишь, с этим надо как можно скорей кончать, — произнес Викторович.

Алина посмотрела на него, но ничего не ответила.

Стас Немиров — молодой драматург, сидел в кресле первого ряда и внимательно смотрел на сцену. Репетировали его пьесу, которую он давно и безуспешно предлагал по разным театрам и которую никто не брался ставить. Но Рагозин взял, когда Стас уже отчаялся увидеть свое детище на сцене. Стас безумно обрадовался. Еще более обрадовал его тот факт, что режиссер Рагозин показался ему тем человеком, который сумеет уловить дух произведения и выразить его в спектакле. Стас считал это очень важным. Он был человеком амбициозным, не лишенным таланта и полагал, что если уж так случилось и он не простой ремесленник в своем деле, то отблески его гения не должны умереть на бумаге. Желательно, чтобы они воплотились в игре актеров и были замечены зрителем. А еще лучше театральными критиками и прессой. А там недалеко и до общественного признания со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями.

В мыслях Стас часто улетал в то время, когда это произойдет. В той жизни у него была роскошная вилла на берегу моря, собственна яхта, пляж, огромная парковая территория, прилегающая к дому, с многочисленными фонтанчиками,

экзотическими деревьями и цветами, и многое, многое другое.... Такие фантазии часто посещали Стаса в самый неподходящий момент. Вот как сейчас, например, когда нужно было быть особенно внимательным и сосредоточенным. Но Стас предпочитал на какое-то время плюнуть на все и с наслаждением предаваться своим мечтам. Он заметил, что черпает из своих фантазий какую-то удивительную силу и энергию. И Стас полюбил их, потому что они служили ему щитом, прикрывающим от скуки и беспросветности повседневной жизни.

Стас оторвался от своих мыслей и сосредоточился на игре актеров. Через пол часа он понял, что Рагозин трактует его пьесу совсем иначе, нежели он сам.

— Стоп, стоп, стоп! — Стас захлопал в ладоши и поднялся с кресла.

Рагозин с удивлением огляделся. Кто это посмел так грубо вмешаться в процесс священнодействия, который происходит на сцене? Кроме него самого никто и никогда не осмеливался посягнуть на это право. Тут он увидел драматурга, который быстро приближался к нему.

— Что случилось? — брови Рагозина сердито сдвинулись на переносице.

— То, что вы репетируете совсем другую пьесу, — объяснил Стас.

Рагозин ничего не ответил, только еще более нахмурился и забарабанил ногой об пол. Все члены труппы знали, что это было признаком надвигающейся грозы, и приготовились быть свидетелями миниспектакля, который мог разыгратъся в любую минуту.

— Объяснитесь, — наконец буркнул Рагозин.

— Поймите меня правильно. Вы показываете очень профессиональную игру, но при этом духовно кастрировали мою главную героиню...

— Она теперь моя, а не ваша, и я имею право делать с ней то, что захочу, — грубо оборвал его Рагозин на полуслове.

— Но ведь вы исказили ее образ... — попытался было вставить Стас, но Рагозин снова не дал ему продолжить.

— Ваша героиня полная дура, юродивая, которых сейчас днем с огнем не найдешь. Выродились такие. Современными женщинами движет алчность и расчет.

— Вы правы, — согласился Стас. — Поэтому я и хотел напомнить нашим женщинам о том, о чем они давно забыли. О том, что можно быть другими — не холодными и расчетливыми, а смешными чудачками с абсурдными идеями, которые они воплощают в жизнь, и от этого всем становится теплее и легче жить на свете.

— Я хочу сказать вам, молодой человек, —

проговорил Рагозин четко чеканя слова, — если вы этого еще не знаете, что хороший режиссер сродни архитектору. Он сам рисует и строит игру, даже если при этом использует ваши идеи. Вот здесь, — Рагозин схватил пьесу и потряс ею в воздухе, так что несколько листов вылетели и осенним листопадом плавно опустились на пол, — здесь не более, чем одни бесплотные идеи. В них одно содержание и только. И в этом ваша заслуга, не скрою. Но на этом она и заканчивается. А дальше, — ноздри Рагозина гневно раздулись, — дальше начинается моя епархия. И тот, кто осмелится нарушить ее пределы, тому не поздоровится. — Рагозин перевел дух, — Впрочем, если вам не нравится, как я трактую вашу пьесу, можете забирать ее. У меня полно других произведений.

Стас испугался. Что если Рагозин передумает ставить пьесу? Тогда — прощай мечта! Вернее ее воплощение отодвинется на еще более неопределенный срок. А Рагозин это его шанс пробиться уже сегодня, и этим шансом нельзя пренебрегать.

Стас поспешил срочно исправить допущенную им оплошность.

— Что вы, Роман Анатольевич, я полностью доверяю вашему опыту и профессионализму. Вы правы, я не подумал... вы и только вы определяете

характер игры.

— Ну, вот то-то же, — удовлетворенно рывкнул Рагозин. И тут же добавил: — Объявляю перерыв на тридцать минут.

В буфете Стас взял стакан сока и устроился за свободный столик. Ничего, успокаивал он себя, еще придет то время, когда я буду выбирать режиссеров, а не они меня.

— Можно к вам? — услышал Стас женский голос.

Он поднял глаза. Перед ним стояла актриса, исполняющая роль главной героини в его пьесе.

— Конечно, присаживайтесь.

Анна села, поставила на стол свою тарелку и принялась за еду. Стас с интересом рассматривал ее. Вблизи она показалась ему очень хорошенькой, гораздо интереснее, чем со сцены.

Вероятнее все дело в характере ее героини, подумал Стас. На сцене она выглядела стервозной дамочкой и производила отталкивающее впечатление. А в жизни у нее милое и приятное выражение лица.

— Меня зовут Анна, а вы, я знаю, Стас, — произнесла девушка, покончив с едой. — Вам понравилась моя игра?

— Нет. Вы делали не то, что я хотел.

— Это мы уже слышали. Мы все часто вынуждены делать не то, что хотим, — Анна

закусила губы, и взгляд ее потемнел.

— Но ведь нас к этому не принуждают насильно. Мы сами делаем выбор под чью дудку плясать, под чужую или под свою, — грустно заметил Стас.

— И вы только что сплясали под его дудку, — с ожесточением проговорила Анна. — А я поначалу обрадовалась, что, наконец, нашелся хоть один человек, который сможет приструнить этого диктатора. Но вам оказалось это не под силу.

— Да, он пока сильнее меня. Признаю, — согласился Стас. — И пойти против него сейчас — это значило бы обречь себя на заведомый проигрыш. Но я оптимист. Все течет, все изменяется и переходит из одного состояния в другое. Мне не вечно быть слабаком. Настанет еще и мой день.

— И мой тоже, — взволнованно проговорила Анна. Глаза ее полыхнули огнем, а на щеках выступили красные пятна. Стас с удивлением посмотрел на нее. Анна перехватила его недоумевающий взгляд и поспешила сменить тему, — По-моему, полчаса уже прошли. Мне надо спешить на сцену. — Анна встала и протянула Стасу руку, — Очень приятно было с вами познакомиться.

— Мне тоже, — Стас взял ее руку и неожиданно поцеловал ее.

Анна пошла в зал. Стас стоял и смотрел ей в след, как загипнотизированный, пока она не скрылась из виду. Эта девушка затронула в его душе какие-то струны, только он еще не мог понять какие. Стряхнув с себя минутное наваждение, Стас поспешил из театра.

8

Эдуард еще лежал в кровати, когда в его комнату вошла Слободина. С какого-то момента они стали спать в разных спальнях. Инициатором такого сепаратизма стала Алина. Однажды она заявила ему, что почивать в одной кровати — удел бедных, которые не могут позволить себя иметь разные опочивальни. А богатые люди должны проводить ночь в одиночестве, так как это позволяет гораздо лучше выспаться. Тогда он не стал возражать, но теперь понимает, то был первый признак нарастающего между ними раскола. Алина была одета в деловой костюм, в одном из многих, в которых он ходила на работу. Эдуард вопросительно посмотрел на нее.

— Ты уже уходишь? Мне кажется еще рано.

— Если считать десятый час — это начало утра, то, в самом деле, еще рано. Или ты забыл обычно я ухожу на час раньше.

— Что же тебя задержало на этот раз?

— Твоя вчерашняя история. Я так разволновалась, что никак не могла заснуть. А едва проснулась, то у меня начала болеть голова. Пришлось выпить таблетку. А ты знаешь, как я отрицательно отношусь ко всяким медикаментам. Вреда от них больше, чем пользы. Но выбора не было, я так перенервничала. Такого давно со мной не случилось.

Эдуард спустил ноги на пол и недоверчиво посмотрел на жену. По крайней мере, по ее виду не скажешь, что она плохо себя чувствовала. Выглядит очень даже хорошо.

— Алина, я хотел перед тобой извиниться за вчерашнее, — выдавил он из себя слова с не меньшим трудом, чем выдавливают засохшую зубную пасту из тюбика.

Слободина пренебрежительно махнула рукой.

— Не стоит извиняться, по крайней мере, для меня это не имеет значения.

— Выходит тебе все равно? — с возмущением произнес Эдуард. Чувство вины, которое он, в самом деле, испытывал мгновенно испарилось, а на его место заступило ставшее уже привычным раздражение.

— Да, какая разница. Сегодня ты извинишься, а завтра выкинешь еще что-нибудь подобное. Гораздо больше, чем твое поведение, меня расстраивает то, сколько я заплатила за возмещение

ущерба, чтобы замять все дело. А они, между прочим, очень хотели написать жалобу в милицию. Тебе, дорогой мой, грозил суд и тюремный срок. Чтобы тебя от него отмазать, пришлось выложить круглую сумму.

— Я понимаю, — пробормотал Эдуард.

— Ничего ты не понимаешь, и, боюсь, уже не поймешь. Я не намерена больше улаживать подобные дела, опустошая свой кошелек. В отличие от тебя мне каждая копейка дается большими трудами.

— Я тебя много раз просил дать мне работу, — раздраженно бросил Эдуард.

— Об этом и не мечтай. Если еще раньше я колебалась, то после вчерашнего дебоша этот вопрос для меня навсегда закрыт. Но я пришла тебе сказать вовсе не это.

— Еще какой-нибудь сюрприз, — скривил губы Эдуард.

— Как ни странно, ты угадал. Я поняла, что слишком либерально вела себя в отношении снабжения тебя деньгами. Не только давала, сколько ты просил, но никак не контролировала твои расходы. Сочувствую, но отныне придется тебе ужаться в своих тратах. Будешь получать не только вдвое меньше, но каждый вечер давать отчет о своих приобретениях. Поэтому теперь везде проси чеки и храни их, как самые дорогие письма

от любимой. Я их буду тщательно проверять.

— Алина, ты так не поступишь! — вскочил Эдуард.

— Плохо же ты меня знаешь. Я была бы не сама собой, если бы так не сделала. Хочешь дебоширить, зарабатывай на это деньги сам. А на мои — уволь. Это правило вступает в действие с сегодняшнего дня. Поэтому, если будешь тратить деньги, не забудь принести чеки. Иначе я стану вычитать из положенной тебе на следующий день суммы. А теперь извини, надо идти зарабатывать эти самые деньги. Слободина быстро вышла из комнаты. Эдуард проводил ее взглядом. Все его существо было охвачено злостью. С каким наслаждением он бы догнал жену и стал избивать ее ногами и руками. Так, как вчера делали с ним эти поганые менты. Но он понимал, что не может позволить себя такое удовольствие, так как его тут же и уже навсегда вышвырнут из дома. А ему не только негде жить, у него-то за душой нет ни копейки. Он рабски зависит от этой женщины и вынужден терпеть от нее любые унижения. Но неужели не придет момент, когда он сумеет рассчитаться с ней. За все, что было и за то, что еще, без всякого сомнения, будет.

Анна прошла к себе в примерную, бросила сумку на столик и уселась перед зеркалом. Внимательно всматриваясь в свое отражение, пыталась сообразить, что же с ней не так. Да, нет, вроде все нормально. Прическа в порядке, макияж тоже, отметила она. Только почему-то она чувствовала себя не в своей тарелке.

С чего бы это? Задумалась Анна. В голове замелькали, как в калейдоскопе, обрывки каких-то мыслей, образов...

«Стоп! — мысленно приказала Анна себе. — Начнем с начала. Сегодня, когда она вошла в театр, первой ее встретила тетя Настя, их уборщица. Она уже надраила полы до блеска и могла идти домой. Но тетя Настя не торопилась уходить. Обычно она дожидалась прихода актеров, чтобы с каждым из них персонально поздороваться. Ей этот нехитрый ритуал доставлял огромное удовольствие. Некоторых из актеров она выделяла особенно. Среди них была и Анна. Анна уже привыкла, что каждое утро уборщица не только здоровается с ней, но еще и спрашивает, как ее здоровье. Получив, положительный ответ, тетя Настя с удовлетворением добавляла: «Ну, дай-то, бог».

Анна вспомнила, что сегодня у нее не получилось с тетей Настей их обычного коротенького диалога. Когда Анна проходила мимо уборщицы, та ее как будто не заметила. Тетя Настя

низко наклонилась к своим ведрам и начала сердито громыхать ими. Анна не придавала этому значения и побежала дальше.

Чтобы попасть в свою гримерную, Анне надо было подняться по лестнице. Навстречу ей спускалась их завлит Алла Степановна. Алла Степановна с кем-то разговаривала по мобильному. Сколько Анна ее ни видела, она всегда была с мобильником, прижатым к уху. Анне казалось, что Алла Степановна уже срослась с телефоном намертво, что она даже спит с ним. Но, несмотря на такое нерасторжимое родство с мобильным, Алла Степановна не выпадала из окружающей ее действительности. Это было заметно, по тому, как, увидев кого-нибудь из актеров, Алла Степановна приветствовала его легким кивком головы, продолжая при этом свой разговор. Анна вспомнила, что сегодня Алла Степановна прошла мимо нее, как мимо пустого места.

— Неужели простое совпадение? — подумала Анна. — Только почему у нее на душе так мерзко, словно кошки скребут, как от дурного предчувствия?

— Здрас-с-с-ьте, — в дверь заглянула костюмерша.

— Привет, Люба, заходи, — Анна обрадовалась ее приходу. Сейчас она поболтает с ней и все сомнения, как рукой снимет. Ведь Люба

болтушка известная, рот у нее никогда не закрывается. Обычно она утомляла Анну своими разговорами. Люба, если заходила в гримерную, то раньше, чем не перескажет все сплетни, не уходила из нее. И откуда у нее только силы берутся на эту болтовню, часто удивлялась Анна. Ее саму чрезмерные разговоры утомляли. Анна предпочитала больше молчать и беречь силы, особенно, если вечером у нее был спектакль.

— Анна Олеговна, вам костюмы для репетиции нужны? — спросила Люба, даже не переступая порога гримерной. Она, как стояла, так и осталась стоять в дверях.

— Чего это ты меня по имени отчеству вдруг? — удивилась Анна. Они всегда были с Любой на ты и просто по имени.

Люба замялась и насупилась.

— Я спрашиваю, костюмы нужны? — повторила Люба свой вопрос.

— Нет, Люба, спасибо. Сегодня я репетирую без костюмов, — ответила Анна.

— Как скажете, — только и ответила костюмерша и поспешно скрылась за дверь.

Анна лишилась дара речи; чтобы Люба не зашла к ней да не перебросилась хотя бы парой фраз? Скорее мир перевернется, чем такое произойдет. Это было невероятно.

Мысли Анны лихорадочно заматались в

голове. Ясно, как день, это все не спроста. Что-то или кто-то за этим стоит. Вдруг она вспомнила ненавидящий взгляд Котовой в тот день, когда Рагозин главную роль отдал ей, Анне. В голове у Анны кое-что стало проясняться.

Неужели Ольга опустилась до того, чтобы настраивать коллектив против нее? Анна закусил губы. Ну и пусть! подумала она с ожесточением, обратной дороги все равно нет. Если уж она перенесла сальные поцелуи Рагозина, то это и подавно вынесет. Анна ободряюще улыбнулась своему отражению в зеркале и принялась гримироваться.

10

Этот мотель Викторович выбрал по той причине, что с одной стороны он располагался недалеко от города, с другой — находился на отшибе. Он стоял в стороне от главной трассы, и к нему от нее вела тоненькая шоссе́йная ниточка. Она обрывалась у окруженного лесом небольшого озера, на берегу которого и примостилась гостиница. Вид был очень красивый, и Викторович любил здесь бывать. Иногда он привозил сюда очередную любовницу, а иногда устраивал тут деловые встречи, когда хотел, чтобы они прошли бы незаметно от чужих глаз. Именно такой случай

и был сегодня.

Его конфидент запаздывал, но у Викторовича это пока не вызывало каких-то отрицательных эмоций. Он сидел в небольшом уютном зале ресторана, наслаждался прекрасным вином, закусками и открывающимся из окна пейзажем. Он был таким спокойным, таким умиротворяющим, что навевал только положительные эмоции. И Викторович думал о том, что когда он благополучно завершит свою комбинацию, они с Алиной непременно отправятся в какое-нибудь тихое местечко с красивой природой. Будут ходить и любоваться местными видами, любить друг друга и обсуждать, как им устроить совместную счастливую жизнь. И в первую очередь надо заняться деторождением; ему уже скоро сороковник, а у него нет детей. А ведь после того, как они объединят свой бизнес, он станет фактическим владельцем весьма крупной империи. А у императора должен быть обязательно наследник, которому он оставит свои владения и который станет продолжателем его дела.

Викторович мысленно пробежался по всей цепочки своей комбинации. Нет ли у нее слабых мест, не совершил ли он каких-то ошибок? Почему-то он полагал, что Алина быстрее и легче согласится с его предложением. А она тянет, сомневается, чего-то боится. И даже подозревает

его в том, что он все это и организовал. С ней следует держаться остро, разумеется, никаких доказательств у нее нет, но она проницательней, чем он предполагал. Это плохо, и хорошо. Плохо то, что возрастает опасность прокола, хорошо то, что когда все завершится, он получит не только жену с большим приданным, но и хорошего бизнес-партнера.

Ожидание затягивалось, и Викторович почувствовал легкую тревогу. А на того ли человека он сделал ставку, вдруг он не справится с делом, или еще того хуже, предаст, перебежит на другую сторону? Такого, как он, перекупить не сложно. Дашь на рубль больше — и он твой. Но приходится рисковать, подобного большого приза у него давно не было.

Викторович облегченно вздохнул, он увидел, как в ресторане появилась огромная фигура Шпетера. Тот подошел к столику и вопросительно посмотрел на него.

— Садитесь, — пригласил Викторович. — Пить, есть будете?

По лицу Шпетера стала сразу понятно, что пить и есть он будет с огромным удовольствием. Викторович подозвал официанта.

Шпетер ел, громко чавкая, и Викторович с трудом подавлял отвращение. Знали бы его знакомые, считающие его изысканным и тонким

знатоком искусства, умным собеседником, обладателем аристократического вкуса, которому многие подражают, в какой кампании он сейчас пребывает. Но он старался никак не выдавать своих эмоций. Его девиз: «Дело, прежде всего» не раз помогал ему находить верные решения в самых разных ситуациях.

— Давайте начнем говорить о делах, — произнес Викдорович, вклиниваясь в громкое и сочное чавканье Шпетера. Тот удивленно посмотрел на него, затем поспешно вытер руки салфеткой и отложил вилку в сторону.

— По-моему, все идет путем, — произнес гигант. — Дамочка наложила в штаны. Скоро она их совсем снимет.

— Это вы так думаете. А в реальности все иначе. Она вовсе не капитулировала. И с этим делом не спешит. Наоборот, полна решимости сражаться. Вот какое впечатление произвел на нее ваш визит.

Шпетер недоуменно посмотрел на Викдоровича.

— Она выглядела очень испуганной.

— Еще бы, когда к тебе приходит человек с таким портретом, невольно перепугаешься.

Шпетер довольно улыбнулся.

— Да, я произвожу такое впечатление. Очень помогает.

— Надеюсь, и нам поможет, — пробормотал Викторович. Шпетер энергично закивал головой.

— Не сомневайтесь.

— Нам надо продолжать атаку. Вы подготовились к тем действиям, к которым я вас просил?

— Еще не совсем, но я этим занимаюсь. Приходится решать много задач.

— Давайте быстрее Вы хорошо уяснили себе задачу? Нам нужно, чтобы несколько крупных и традиционных заказчиков Слободиной отказались от ее продукции. И непременно под разными благовидными предложениями. Не устраивает качество, не устраивает цена, появились новые поставщики с более выгодными условиями.

— Я уже подготовил ребят. Они получили нужные инструкции. И буквально на днях...

— Меня не интересуют подробности, — резко прервал Викторович. — Я вам плачу не за красочные рассказы о ваших методах, а за конечный результат. Вам понятно?

Шпетер несколько секунд смотрел на своего собеседника, затем по его лицу поехала кривая усмешка.

— Хорошо, будет вам результат. Я еще никого не подводил.

— Надеюсь. — Викторович посмотрел в окно, на прекрасный пейзаж, на ясное зеркало озера,

отражающее на своей поверхности растущие вдоль берега деревья. Какая красота. А они обсуждают такие мерзости. Он невольно вздохнул. Скорей бы все это благополучно завершилось. И тогда...

— Я поеду, а вы держите меня в курсе. Я имею в виду не ваши приготовления, а итоги ваших действий. И будьте сами и скажите всем остальным, чтобы были бы аккуратны. Никакой крови.

— Все будет исполнено в лучшем виде, — проговорил Шпетер. — Еще никто не жаловался на то, как я выполняю свои обязательства.

Кто-то же должен быть первым, невольно подумал Викторович. Он встал из-за стола.

— Я поехал. Ждут неотложные дела. А вы ешьте и пейте. Все оплачено.

Викторович, не оборачиваясь, быстро направился к выходу. Он чувствовал облегчение, что это неприятная встреча закончилась.

Глава 3

1

Анна выскочила из подъезда Рагозина, сильно хлопнув дверь. В этот удар она вложила все эмоции, которые накопились в ней за время ее постылого свидания с режиссером. Анна

усмехнулась. Ей теперь только и остается, что хлопать дверьми, да и то, чтобы никто не видел. Может купить себе боксерскую грушу и начать боксировать, подумала Анна. А что, будет представлять себе Рагозина и по груше, по груше... Кулаком! Со всей силы! Анна даже сжала пальцы в кулаки, так ей живо представились ее фантазии.

Анне стало не по себе. Никогда в жизни ей еще не хотелось ударить человека, даже мысленно. Тот случай с Димой, когда она замахнулась на него, не в счет. Тогда она была в состоянии аффекта.

Мысли о Диме привели ее в чувство. Анна вспомнила, из-за чего она оказалась в таком дерьме. Из-за разбитой любви.

«Дура! — мысленно выругала себя Анна. — Хотела заглушить боль, новыми чувствами, новыми эмоциями. Вот теперь она их имеет. И что? За что боролась, на то и напоролась. От этого лучше не стало. Только хуже».

Анна попыталась подсчитать, сколько времени они уже не виделись с Димой, и сама удивилась, какой большой получился срок. У нее уже скоро премьера, а прогнала она его, в тот день, когда получила роль в этом злополучном спектакле. В тот день она его просто ненавидела. А сейчас до нее вдруг дошло, что Дима здесь ни при чем. Он любил ее так, как умел. Пусть его чувства нельзя было назвать любовью, но ведь она ему не была

совсем безразлична...

«Если бы только можно было все вернуть на круги своя» — с тоской подумала Анна. Несколько мгновений она колебалась, затем достала мобильный и набрала знакомый номер.

Анне показалось, что Дима обрадовался, услышав ее голос. Она попросила его приехать. Дима пообещал, даже не спросив, для чего. Анна отключила телефон и улыбнулась. Ей вдруг стало так хорошо, как давно уже не было. Все ее проблемы разом, как по мановению волшебной палочки, померкли. Анна заспешила домой. Надо было успеть прийти до прихода Димы.

Едва Дима переступил порог, Анна бросилась ему на шею. Уткнулась в плечо, вдыхала такой родной такой до боли знакомый запах его тела. Вечность бы так стоять! Наконец, Анна оторвалась от Димы и посмотрела в его глаза. В них она не увидела особой радости. Внутри нее шевельнулось недоброе предчувствие. Она пригласила его войти. Анна отметила, что он сел не на диван, а на стул, одиноко стоящий у стены. В этом она тоже уловила плохое предзнаменование. Если бы он хотел все вернуть, он бы дал ей шанс устроиться рядышком с ним, на диване. А на том стуле он выглядит совсем отчужденно, как случайный гость. Но Анна не стала унывать. Она еще надеялась, что Дима просто обижен на нее.

— Зачем ты меня позвала? — первым начал Дима.

— Я соскучилась по тебе, ты не представляешь как, — Анна подошла к Диме со спины и прижалась грудью. Она знала, этот прием всегда действовал на него, как виагра.

Но Дима, как сидел, так и остался сидеть неподвижно, словно статуя. Анне даже показалось, что он слегка отстранился от нее.

— А ты думал обо мне? — заглянула ему в глаза Анна.

— Невозможно, просто так взять и забыть два года близости — В ответе Димы Анна не почувствовала особого энтузиазма.

— Я понимаю. Ты до сих пор сердисься. Я прогнала тебя, — Анна с новой силой прижалась к Диме. Но» виагра» снова не подействовала.

— Заметь, что прогнала не куда-нибудь, а на улицу. Не в переносном, а в буквальном смысле слова, — холодно уточнил Дима.

— Ну, прости, прости меня, Димочка.

— Я тебя давно простил. Я рад, что могу тебе это сказать. — Дима сделал легкое движение, освобождающее его из крепких объятий Анны.

— Тебе не приятны мои прикосновения? — обиделась Анна.

— Просто я не чувствую в них потребность, — пожал плечами Дима.

— Нет, ты все-таки не простил меня, — сделала вывод Анна.

— Думай, как хочешь. Я не спорить сюда пришел.

— А зачем ты сюда пришел? — слегка вспылила Анна. Она почувствовала, что ее замысел терпит крах.

— Зачем пришел? — удивился Дима. — Ты ведь сама меня позвала. Ты что, забыла?

— А-а-а... Да. Действительно сама. Я подумала... Ты знаешь... Может нам с тобой снова все вернуть? — Анна с надеждой смотрела на него.

Дима отвел взгляд.

— Вот этого я меньше всего хочу, — отстраненно, куда-то в сторону ответил он.

— Но почему? Вспомни, нам было хорошо вместе, — Анна говорила больше по инерции, уже ни на что не рассчитывая.

— Хорошо. Но всему хорошему когда-нибудь приходит конец. И если тебе не изменяет память, именно ты первая приложила к этому руку.

— Но я же и первая тебе опять ее протягиваю. Дима, оставайся. Зачем тебе уходить отсюда. Вот прямо сейчас и оставайся. А? — Анна с волнением ждала его приговор.

— Поздно. У меня есть другая женщина.

Эта короткая фраза прозвучала для Анны, как пощечина. Вот он и ответил мне за то, что я как

щетка выкинула его на улицу, четко отпечаталось в мозгу Анны.

— Уходи, — прошептала она помертвевшими губами и, сгорбившись, прошла на кухню. Звук хлопнувшей двери заставил ее вздрогнуть. Анна медленно опустилась на стул. Такой одинокой, как сейчас, она себя еще никогда не ощущала.

2

Алина вот уже несколько минут неподвижно, как загипнотизированная, смотрела перед собой. Она ничего не могла понять. Либо она сошла с ума, либо мир сошел с ума. Иначе, как объяснить происходящее. Буквально за три дня несколько ее постоянных, многолетних партнеров практически без объяснения причин отказались от сотрудничества с ней. Вернее, объяснения были, но настолько надуманными, неправдоподобными, что им не поверил бы и ребенок. Но почему, что случилось, ее компания, как работала, так и работает, ничуть не хуже, чем месяц назад. Она сама проверяла партии продукции. Сначала решила, что где-то был допущен брак. Но ничего подобного не обнаружила, качество было отменным. Тогда она проверила бухгалтерию. Но все счета оплачивались своевременно, никаких претензий к ним никто не предъявлял. А партнеры отказались от

сотрудничества. Еще пару таких отказов — и ее бизнесу придет конец. Все, что она с такой тщательностью создавала на протяжении пяти лет, рухнет за какие-то пару недель. Но должна же быть подлинная причина этой эпидемии разрыва отношений. А если ей она станет известна, тогда можно найти способы борьбы с напастью. Но в том-то и дело, что она ничего не знает.

Слободина встала, подошла к зеркалу, посмотрела на себя. Ее охватил ужас, так плохо она не выглядела даже в день похорон мужа. Как будто бы постарела сразу на пять лет. Да на такое страшило ни один мужчина не взглянет. А если и взглянет, тут же отвернется. Даже Михаил При воспоминании о Викторовиче мысли Алины потекли по другому руслу. Михаил любит повторять: если не все проиграно, ничего не проиграно. А пока у нее кое-что осталось. Только нужно правильно этим распорядиться. А поможет ей в этом Муравин. Сколько раз он давал ей советы, столько раз он оказывался прав. Будем надеяться, что и на этот раз он не изменит этому правилу.

Муравин сидел напротив Слободиной и как ни в чем не бывало пил чай. Алина знала эту его привычку; чаевничать он мог в любых количествах и при любых обстоятельствах. Она всегда удивлялась, сколько же этого напитка входит в его небольшое и худое тело. Но уж путь лучше пьет

чай, чем что-то еще, говорила она себе, думая об Эдуарде.

— Ты мне можешь сказать, что происходит? Я ничего не пойму. Это самый настоящий заговор.

— Это и есть заговор, — невозмутимо подтвердил Муравин. — Классическая схема по захвату компании. Запугивают партнеров, тем самым лишая ее каналов сбыта. Затем, когда мы обессилим, примутся уже непосредственно за нас.

— Но кто, кто за этим стоит? — воскликнула Алина. — Если бы только знать.

— Им может быть кто угодно, даже самый близкий вам человек. В бизнесе родственников не бывает. А кто это забывает, тот обычно и проигрывает.

— Мне это известно не хуже вас. Но что толку от этого знания, если нам невдомек имя этого негодяя. Вы никого не подозреваете, Владимир Геннадьевич?

— Увы, я подозреваю всех, кроме вас и себя. А это значит, что никого.

— Тогда скажите, что делать?

Муравин налил новую чашку чая.

— Нужно срочно искать союзника, того, кто помог бы пережить сложные времена, кто бы позволил устоять. Боюсь, у нашей компании не хватит резервов, чтобы выдержать этот натиск. Игра идет по крупному.